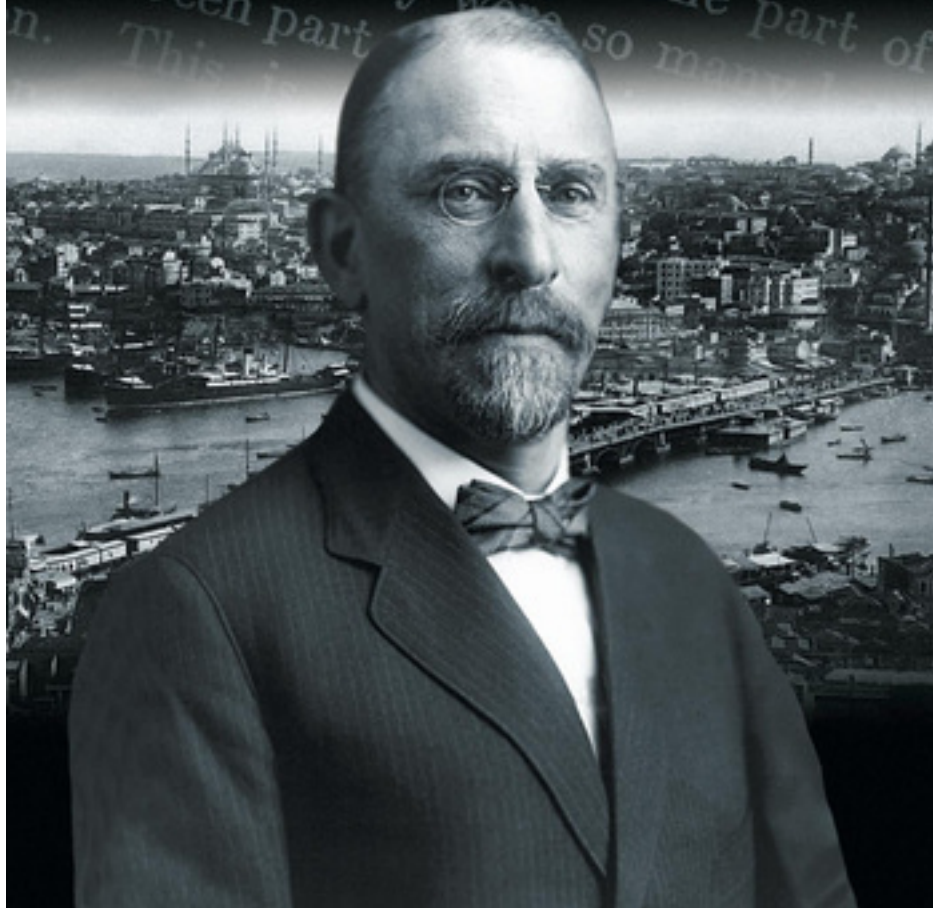

Генри Моргантау

ТРАГЕДИЯ
АРМЯНСКОГО НАРОДА
ИСТОРИЯ ПОСЛА МОРГЕНТАУ

Генри Моргентау

**Трагедия армянского народа.
История посла Моргентау**

«Центрполиграф»

1918

Моргентау Г.

Трагедия армянского народа. История посла Моргентау /
Г. Моргентау — «Центрполиграф», 1918

Книга Генри Моргентау, посла Соединенных Штатов Америки в Турции с 1913 по 1916 год, открывает шокирующую страницу истории. В ней описано уничтожение армянской нации в восточных областях Турецкой империи. Убийства, грабежи, пытки и депортация – это лишь немного из того, что довелось пережить угнетенному народу. Моргентау представляет глубокий анализ ситуации, подкрепляя его сведениями из официальных источников. Кроме того, он описывает процесс становления профессиональной турецкой армии и правительственные интриги младотурков, а также знакомит читателя с пропагандистской немецкой политикой, которая втянула Турцию в Первую мировую войну.

© Моргентау Г., 1918

© Центрполиграф, 1918

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	22
Глава 4	30
Глава 5	33
Глава 6	39
Глава 7	43
Глава 8	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Генри Моргантау

Трагедия армянского народа.

История посла Моргантау

Посвящается Вудро Вильсону, представившему в Америке мировое просвещенное общественное мнение, которое объявило, что права малых народов должны уважаться и что преступления, подобные описанным в этой книге, большие никогда не должны, омрачить страницы истории

ПРЕДИСЛОВИЕ

К этому времени американцы уже, наверное, убедились, что немцы целенаправленно планировали покорение всего мира и установление мирового господства. Тем не менее они не спешат открыто выдвигать обвинения, основываясь только на косвенных свидетельствах, и по этой причине все очевидцы этого величайшего преступления в современной истории не должны молчать.

Поэтому я отбросил прочь сомнения и решил рассказать своим соотечественникам о фактах, ставших мне известными, когда я представлял американский народ в Турции. Я приобрел эти знания, находясь на службе у американского народа, и они являются его собственностью в той же степени, что и моей.

Я очень сожалею, что был вынужден умолчать о деятельности американских миссий и образовательных учреждений в Турции, но чтобы отдать им должное, мне пришлось бы написать еще одну книгу. По этой же причине я ничего не рассказал о положении евреев в Турции.

Я бесконечно признателен моему другу Бертону Дж. Хендрику за бесценную помощь в подготовке этой книги.

Генри Моргантау

Октябрь, 1918 г.

Глава 1

Сверхчеловек из Германии в Константинополе

Когда я начал писать эти мемуары о времени моего посольства, немецким планам в отношении Турецкой империи и Ближнего Востока временно сопутствовал успех. Центральные державы раздробили Россию, превратив Балтийское и Черное моря в немецкие озера, и получили новый путь на восток – через Кавказ. На данный момент Германия господствовала над Сербией, Болгарией, Румынией и Турцией и считала практически осуществленным свое стремление к новой тевтонской империи. Сейчас мир знает, хотя в 1914 году не все еще осознавали тот факт, что Германия ускорила войну, чтобы уничтожить Сербию, захватить контроль над балканскими народами, превратив Турцию в вассальное государство и, таким образом, создать огромную восточную империю, которая была бы основой для неограниченного мирового господства. Означала ли немецкая агрессия на востоке, что эта обширная программа была успешно проведена?

Когда я представляю себе карту, демонстрирующую все военные и дипломатические успехи Германии, моя работа в Константинополе обретает иной смысл. Теперь события этих двадцати шести месяцев я вижу как часть связной истории. Несколько личностей, появившихся тогда на сцене, оказались актерами великолепно поставленной драмы. Сейчас я достаточно ясно понимаю, что Германия планировала мировое государство и что страна, в которую я был направлен, как американский посол, была одним из краеугольных камней всей политической и военной структуры кайзера. Если бы Германия не получила полный контроль над Константинополем в первые дни войны, то вполне вероятно, что военные действия закончились бы через несколько месяцев после битвы на Марне. И именно перипетии судьбы привели меня в штаб-квартиру интриги в тот самый момент, когда цель кайзера – контроль над Турцией, которую он преследовал в течение четверти века, – была близка к окончательному успеху.

Для подчинения Турции и превращения ее армии и территории в инструмент Германии, император отправил в Константинополь посла, который идеально подходил для этой работы. Тот факт, что кайзер лично выбрал барона фон Вангенхайма на этот пост, показывает, что он безошибочно определил человеческие качества, необходимые в этой значительной дипломатической операции.

Кайзер давно понял, что Вангенхайм является человеком идеально подходящим на роль главного исполнителя в его восточной интриге. Он не раз вызывал его к себе в Корфу для проведения там отпуска. Мы можем быть уверены, что они, два конгениальных ума, не один день провели в обсуждении немецких притязаний на Ближнем Востоке. Когда я впервые его встретил, Вангенхайму было 54 года, он провел четверть века в дипломатическом корпусе, служил в очень разных местах, таких как Петроград, Копенгаген, Мадрид, Афины и Мексика. Он был поверенным в Константинополе, а спустя несколько лет вернулся туда послом. Он изучил и понимал все страны, в которых работал, включая Соединенные Штаты; его первая жена была американкой, и Вангенхайм, будучи послом в Мексике, близко изучал нашу страну и восхищался нашей энергией и прогрессом. Он обладал всеми необходимыми знаниями для дипломата; одинаково легко говорил на немецком, английском и французском языках, прекрасно знал Восток и имел обширные знакомства с известными людьми. В физическом плане он был одним из самых импозантных людей, которых я когда-либо знал. Когда я мальчиком был в Германии, аллегорией Отчизны для немцев была красивая и сильная женщина – нечто подобное великолепной Валькирии. Но когда я думаю о современной Германии, то перед моим внутренним взором предстает огромная, дородная фигура Вангенхайма. Он был ростом метр восемьдесят восемь; имел массивную, коренастую фигуру, прямую и негибкую, плечи шириной с

Гибралтар, лобастую и упрямо поднятую голову, пронизательные глаза. Все его тело постоянно пульсировало жизнью и энергией – я бы сказал, в этом была не та Германия, которую я знал, а Германия, чьи неограниченные амбиции превратили мир в место полное ужасов. Каждый поступок Вангенхайма, каждое его слово, как мне кажется, являли собой новое ужасное предзнаменование для народов. Каждый час его жизни был заполнен идеями пангерманизма, что и управляло всеми его действиями. Единственным религиозным инстинктом, который двигал им, было обожествление его императора. По мнению Вангенхайма, перед этим аристократическим и автократическим институтом немецкого общества, прусским по происхождению, нужно благоговеть и восхищаться. Лишь имея такую основу, Германия, как он верил, могла бы править миром. Крупный юнкер-землевладелец считал себя лучшим представителем человечества. «Я бы презирал себя, – сказал его ближайший коллега, и эта фраза в полной мере могла принадлежать Вангенхайму, – если бы родился в городе». Вангенхайм подразделял человечество на два класса: правящие и те, кем правят. Он осмеивал мысль, что представители первого класса могут выйти из второго. Я вспоминаю, с каким пылом и энтузиазмом он описывал кастовую систему в Германии, то, как император сделал имения непродаемыми, а также то, как он сумел добиться того, чтобы собственник, или будущий собственник, не мог жениться без императорского согласия. «Таким образом, – говорил Вангенхайм, – мы будем сохранять правящие классы чистыми, без какого-либо кровосмешения». Как и все представители его социального слоя, Вангенхайм почитал прусскую военную систему. Его поведение показывало, что он сам служил в армии и, согласно истинно немецкой моде, рассматривал практически любую ситуацию в жизни с военной точки зрения. У меня есть любопытный пример, иллюстрирующий это. Однажды я спросил Вангенхайма, почему кайзер не посетил США. «Он очень хотел бы, – ответил мне тот, – но это было бы слишком опасно. Война может начаться, когда он будет в море, и враг схватит его». Я предположил, что это вряд ли произойдет, так как американское правительство прикажет сопровождать своего гостя военными кораблями и что ни одна страна не рискнет втягивать в войну Соединенные Штаты, как друга Германии, но Вангенхайм продолжал думать, что военная опасность делает подобный визит невозможным.

От него гораздо больше, чем от других представителей Германии, зависел успех тайного стремления кайзера к мировому господству. Этот немецкий дипломат приехал в Константинополь с единственной целью. В течение двадцати лет немецкое правительство старалось сблизиться с Турецкой империей. Все это время кайзер готовился к мировой войне, и в этой войне Турции была предначертана чуть ли не решающая роль. Если Турецкая империя не станет союзником Германии, то маловероятно, что Германии удастся добиться успеха в общеевропейском конфликте. Вступив в союз с Россией, Франция в случае войны с Германией получала на свою сторону 170 миллионов человек. В течение более чем двадцати лет Германия старалась разорвать этот союз, но без успеха. Был только один путь, с помощью которого Германия могла сделать бесполезным русско-французский союз: добиться дружбы с Турцией. Имея Турцию на своей стороне, Германия могла закрыть Дарданеллы – единственный путь, связующий Россию и ее западных союзников. Это простое действие должно было лишить царскую армию военного снаряжения; остановив экспорт зерна, самый крупный источник российского благосостояния, оно разрушало экономику России и, таким образом, отключало ее от партнерства в мировой войне. То есть миссия Вангенхайма заключалась в том, чтобы убедиться: в приближающемся большом противостоянии Турция присоединится к Германии.

Вангенхайм верил, что в случае успеха в выполнении этой задачи он получит награду, которая была его конечной целью в течение долгих лет: канцлерство в империи. Его мастерство в установлении дружеских отношений с турками дало ему большое преимущество перед его соперниками. Вангенхайм обладал той смесью силы, убедительности, гениальности и грубости, которые были необходимы для общения с представителями Турецкой империи. Я придаю особое значение его прусским качествам, но все же Вангенхайм был пруссаком не по рождению,

а по воспитанию. Он родился в Тюрингии и, обладая энергией, честолюбием и властолюбием истинного уроженца Пруссии, был мягче характером, что присуще выходцам с юга Германии. Кроме того, он обладал одним замечательным качеством, не свойственным пруссакам, – тактом. Как правило, он умело скрывал свои менее приятные качества и демонстрировал лишь умение обвораживать. Он властвовал не только благодаря грубой силе, но и благодаря смеси силы и дружелюбия. Он не был хвастуном; его поведение было скорее располагающим, чем довлеющим; он добивался цели убеждением, а не «бронированным кулаком», но мы, хорошо с ним знакомые, понимали, что за всей его добротой скрывалось чудовищное, всепоглощающее тщеславие. Подчеркну еще раз: он производил впечатление не грубого человека, а, наоборот, человека жизнерадостного и с добрым нравом. И действительно, Вангенхайм обладал смесью различных качеств: веселым энтузиазмом студента, жадностью прусского чиновника и беззаботностью светского человека. Я все еще вспоминаю этого огромного человека, сидящего за фортепиано и импровизирующего на тему какого-нибудь классического произведения и вдруг без всякого перехода начинающего колотить по клавишам рояля, исполняя бравурные немецкие застольные песни или популярные мелодии. Я все еще вижу, как он садится на лошадь на поле для поло, как он прищипывает великолепное животное, заставляя его развить, казалось, невозможно бешеную скорость, с целью удовлетворить свои амбиции спортсмена. И действительно, какими бы ни были его занятия, серьезными или веселыми, Вангенхайм демонстрировал один и тот же неутомимый дух погони. Флиртовал ли он с гречанками в Пера, проводил ли время за карточным столом в Серкль д'Ориент или склонял турецких чиновников к выполнению действий в интересах Германии, для него жизнь всегда была игрой, которую нужно было провести более или менее безрассудно и в которой удача благоволила к тому, кто был смел, умел рисковать и мог поставить на карту все: пан или пропал. И эту величайшую из всех игр, ради которой стоит рисковать, как сказал Бернард в «Мировой империи или провале», Вангенхайм играл не медленно и размеренно, не так, будто то был его долг, нет. Он, используя немецкое выражение, был «огнем и пламенем», он сознавал, что являлся сильным человеком, избранным для выполнения большой задачи. Когда я пишу о Вангенхайме, то все еще чувствую, что нахожусь под впечатлением от силы этой личности, хотя прекрасно сознаю, что он, как и правительство, которому он столь преданно служил, был безжалостным, бесстыдным и жестоким. Он был согласен со всеми последствиями политики своего правительства, какими бы отвратительными они ни были. Он видел перед собой единственную цель и с характерными для немцев реализмом и логикой отмахивался от гуманности и благопристойности, которые могли помешать успеху. Он был полностью согласен с высказыванием Бисмарка, что ради кайзера и родины немец должен был готов пожертвовать не только своей жизнью, но также своей честью. Если Вангенхайм олицетворял Германию, то его коллега, Паллавичини, олицетворял Австрию. Одним из главных качеств Вангенхайма было грубое самомнение, а Паллавичини был тихим, добросердечным, прекрасно воспитанным джентльменом. Вангенхайм всегда смотрел в будущее, Паллавичини – в прошлое. Вангенхайм представлял собой смесь торгашеского духа и средневековой жажды соревнований, которые и составляют суть прусской внешней политики; Паллавичини же был дипломатом, словно пришедшим к нам из времен Меттерниха. «Германия хочет этого!» – говорил Вангенхайм, если нужно было решать какой-то важный вопрос; «Я проконсультируюсь с министерством иностранных дел», – говорил в таком случае осторожный Паллавичини. У австрийца были маленькие вздернутые усики, его походка была жесткой и довольно неестественной, он походил на старомодного маркиза, некогда ковылявшего по сцене. Я могу сравнить Вангенхайма с представителем большой коммерческой компании, щедрой в тратах и беспринципной в методах, в то время как его австрийский коллега представлял организацию, гордящуюся своими прошлыми достижениями и довольную занимаемой позицией. Тот восторг, который Вангенхайм испытывал от пангерманских планов, Паллавичини находил в тонкостях и туманностях дипломатии. Австриец представлял свою

страну в Турции в течение многих лет и был старшиной дипломатического корпуса. Этим званием он очень гордился. Он получал удовольствие в тщательном соблюдении всех тонкостей этикета и был настоящим экспертом в определении порядка рассаживания гостей на церемониальных обедах. Не было ни одной детали этикета, которую он бы не знал как свои пять пальцев. Однако, когда речь заходила о делах государства, он был всего лишь инструментом в руках Вангенхайма. И действительно, кажется, он с самого начала смирился с позицией дипломата, более или менее зависимого от воли более влиятельного друга. Таким образом, Паллавичини играл для своего немецкого коллеги точно такую же роль, как его император – для кайзера. В первые месяцы войны поведение этих мужчин полностью отражало успехи и поражения их стран. Когда немцы похвалялись следующими друг за другом победами, крупная и прямая фигура Вангенхайма, казалось, становилась еще больше и прямее, в то время как Паллавичини, когда австрийцы терпели от русских поражение за поражением, казалось, съеживался. Ситуация в Турции в эти критические месяцы выглядела так, будто бы была специально создана, чтобы дать возможность проявить себя человеку, обладающему гением Вангенхайма. В течение десяти лет Турецкая империя переживала процесс распада и теперь достигла состояния глубокой ветхости, что сделало ее легкой добычей для немецкой дипломатии. Чтобы понять ситуацию, нужно помнить, что в Турции не было организованного правительства. Младотурки не были правительством, они были всего лишь безответственной партией, чем-то вроде секретного общества, которое путем интриг, устрашений и убийств захватило большую часть государственных учреждений. Описывая младотурок таким образом, я, возможно, рассеиваю определенные иллюзии. До приезда в Турцию, у меня были некоторые предположения по поводу ее государственного устройства. Помню, в 1908 году новости, касающиеся Турции, вызвали у меня, дипломата до мозга костей, очень сильную симпатию. Сообщалось, что группа молодых революционеров спустилась с гор Македонии, пришла в Константинополь, свергла кровавого султана Абдул-Хамида и установила конституционную систему правления. Турция, сообщили газеты, стала демократической, в ней появился парламент, ответственные министерства, избирательное право, равенство всех граждан перед законом, свобода слова и другие черты свободного государства. Я очень хорошо знал, что турки долгое время боролись за эти реформы, и то, что их цели стали реальностью, подтверждает, что, в конце концов, существует такая вещь, как человеческий прогресс. Длительный сумбур с бойнями и беспорядками в Турецкой империи, очевидно, закончился; «великий убийца» Абдул-Хамид был помещен в тюрьму в Салониках, а его брат, добрый Мехмед V, вззошел на трон с прогрессивной демократической программой. Таковы были его обещания к 1913 году, но к тому времени, когда я приехал в Константинополь, многое изменилось. Австрия присоединила к себе две турецкие провинции – Боснию и Герцеговину; Италия вырвала Триполи; Турция пережила жуткую войну с Балканскими государствами и, за исключением Константинополя и небольшого района недалеко от прибрежной полосы, потеряла все свои европейские территории. Стремления к восстановлению Турции, которые вдохновляли революционеров, очевидно, потерпели неудачу, и я обнаружил, что четыре года так называемого демократического правления закончились гораздо большим, чем прежде, унижением нации, истощенной и расчлененной. И действительно, задолго до моего приезда попытки установить демократию в Турции провалились. Ни разу за всю историю демократических институтов неудача не была столь сокрушительной и столь сильно приводящей в уныние. Едва ли мне нужно детально объяснять причины этого провала. Давайте не будем резко критиковать младотурок, поскольку нет сомнений, что вначале они были искренни. В июле 1908 года во время речи на площади Свободы в Салониках Энвер-паша, которого всенародно считали молодым лидером мятежа против вековой тирании, красноречиво заявил: «Деспотия исчезла. Мы все братья. В Турции больше нет болгар, греков, сербов, румын, мусульман, евреев. Мы все находимся под одним и тем же голубым небом и гордимся тем, что являемся турками». Это утверждение являло собой идеальную модель государства для младотурок. Но

это был идеал, не имеющий способов воплощения в жизнь. Народы, с которыми турки в течение долгих веков плохо обращались и представители которых часто становились жертвами кровавой резни, не могли за ночь превратиться в братьев. Ненависть, ревность и религиозные предрассудки прошлого все еще делали Турцию смесью воинствующих кланов. Кроме того, разрушительные войны и потеря больших территорий Турецкой империи разрушили престиж новой демократии. Было множество других причин для неудачи, но едва ли есть необходимость обсуждать их сейчас.

Хотя младотурки и исчезли как политическая регенеративная сила, но они все еще существовали как политическая машина Их лидеры, Талаат, Энвер и Джемаль, давно перестали надеяться реформировать свое государство, зато у них появилась ненасытная жажда личной власти. Вместо живущей счастливо в демократическом государстве, наслаждающейся избирательным правом, строящей индустрию и сельское хозяйство, закладывающей основы образования, санитарии и общего прогресса почти 20-миллионной нации, я увидел Турцию состоящей из огромного количества немых, необразованных и нищих рабов, во главе которых стоит небольшая слабая олигархия, готовая в любой момент использовать их во имя собственных интересов. И это были практически те же самые люди, которые несколько лет назад сделали Турцию конституционным государством. Трудно себе представить более озадачивающее падение от высшего идеализма к полному материализму. Талаат, Энвер и Джемаль были мнимыми лидерами, за их спиной существовал комитет, состоящий примерно из сорока человек. Этот комитет собирался тайно, манипулировал выборами и заполнял государственные учреждения собственными представителями. Комитет заседал в Константинополе и имел председателя, который и занимался целиком и полностью его делами. Этот чиновник правил партией и страной, как американский босс в самые трудные дни, так что вся организация являла собой типичный образец того, что мы называем «фактическим правительством». Подобный тип правления временами активно процветал в американских городах, по большей части по причине того, что горожане посвящали все свое время личным делам и поэтому пренебрегали делами общественными. Но в Турции народные массы были просто безграмотными и не могли понять значение демократии, а банкротство и распад империи оставили народ практически без правительства и сделали его легкой добычей шаек решительных авантюристов. «Единение и прогресс», во главе с Талаат-пашой, и была такой шайкой. Помимо сорока человек в Константинополе, во всех важных городах империи были организованы подкомитеты. Люди, которых комитет наделил властью, «подчинялись» и производили переданные им назначения. Никто не мог занимать какой бы то ни было пост, высокий или нет, без одобрения комитета.

Однако должен признаться, не совсем корректно сравнивать коррупцию в наших американских партиях с ситуацией, присущей турецкой партии Талаата, Энвера и Джемала – «Единение и прогресс». Здесь мы встречаемся с отсутствующей в американской политике практикой убийства политических и общественных деятелей, а также с практикой судебных убийств. От других фракций они получали власть путем актов насилия. Этот *coup d'etat*¹ имел место 26 января 1913 года, чуть меньше чем за год до моего прибытия. В это время политическая группа, возглавляемая Камиль-пашой, великим визирем, и Назим-пашой, военным министром, контролировала правительство. Они представляли фракцию, известную как «либеральная партия», которую отличала, главным образом, враждебность по отношению к младотуркам. Эти люди воевали во время страшной Балканской войны, а в январе почувствовали, как их принуждают принять совет европейских держав и отдать Адрианополь Болгарии. В течение примерно шести месяцев младотурки ожидали возможности вернуть себе власть. Предложенная сдача Адрианополя, очевидно, дала им такую возможность. Адрианополь был важным для турок городом, так что вполне естественно, что турецкий народ рассматривал

---

¹ Государственный переворот (фр.).

предполагаемую его сдачу как еще одну ступень на пути к национальной гибели. Талаат и Энвер на скорую руку собрали около двух сотен последователей и отправились в Порту (принятое в истории дипломатии и международных отношений наименование правительства канцелярии великого визиря и дивана), где заседало министерство. Назим, услышав шум, вышел в коридор. Он мужественно встретил толпу, во рту у него была сигарета, руки же он заложил в карманы.

– Мальчики, – с юмором сказал он, – что за шум? Разве вы не знаете, что это мешает нам обсуждать?

Едва он успел договорить, как упал замертво. Пуля прервала его жизнь.

Толпа, ведомая Талаатом и Энвером, направилась в зал заседания. Они вынудили Камиля, великого визиря, оставить пост, угрожая ему постигшей Назима судьбой. Так как убийства были средством, при помощи которого лидеры добивались верховной власти, то они и остались тем самым инструментом, на который вожаки опирались, чтобы поддержать свою власть. Джемаль в дополнение к своим прямым обязанностям стал также военным губернатором Константинополя. В этой должности он контролировал полицию, проявив все таланты Фуше, и так успешно исполнял свою работу, что любой человек, пожелавший устроить заговор против младотурок, обычно отправлялся для этого в Париж или Афины. В течение нескольких месяцев, предшествовавших моему приезду, в Турции господствовал террор. Младотурки разрушили режим Абдул-Хамида только для того, чтобы перенять любимые методы султана, заставлявшие молчать оппонентов. Турки внезапно обнаружили, что вместо одного Абдул-Хамида их у них несколько. Людей арестовывали и высылали в огромном количестве, обычным делом для политических преступников, то есть противников правящей партии, была виселица.

Слабость султана сильно облегчила комитету его работу. Мы должны помнить, что Мехмед V был не только султаном, но и халифом – не только временным правителем, но также и главой мусульманской церкви. Как религиозный лидер, он был объектом поклонения для миллионов преданных мусульман – этот факт, который мог бы дать сильному человеку на его месте возможность освободить Турцию от угнетателей. Я полагаю, что даже те, кто испытывает по отношению к султану самые теплые чувства, не смог бы описать его как энергичного и властного человека. Это чудо, что обстоятельства, в которых волею судьбы оказался Мехмед, полностью не уничтожили его. Он был братом Абдул-Хамида – «великого убийцы», по мнению Гладстона, – человека, который правил с помощью шпионажа и кровопролития и заботился о своих родственниках так же, как и об убитых армянах. Первым делом, взойдя на трон, Абдул-Хамид запер своего преемника во дворце и, окружив шпионами, ограничил его общение гаремом и несколькими лицами, постоянно запугивая угрозами убийства. Естественно, образование Мехмеда было ограничено; он говорил только по-турецки, а об окружающем мире узнавал лишь из случайно попадавших во дворец газет. Оставаясь молчаливым и незаметным, преемник чувствовал себя достаточно удобно и находился в относительной безопасности, однако он знал, что при первых признаках мятежа ему будет грозить смерть. Каким бы суровым испытание это ни было, оно не уничтожило благожелательный и добрый нрав Мехмеда. У султана не было никаких характерных особенностей, которые позволяли предположить, что он является «ужасным турком». Он был просто тихим, добродушным, воспитанным пожилым человеком. Все любили его, и я не думаю, что где-то в глубине его души таилась неприязнь по отношению к людям. Он не мог управлять своей империей; лишь титул и сознание того, что он является прямым потомком великого Османа, добавляли ему чувство гордости. Однако абсолютно точно то, что он не мог противостоять планам людей, которые боролись за контроль над Турцией. После замены Абдул-Хамида, его хозяина, Талаатом, Энвером и Джемалем личная позиция султана не слишком улучшилась. «Единение и прогресс» управляла им так же, как и остальной Турцией, – путем устрашения. И действительно, партия преподала ему урок силы, когда султан однажды попытался заявить о своей независимости. Результат этой попытки не оста-

вил сомнений в том, кто здесь хозяин. Группа «заговорщиков» и других преступников, тринадцать человек, были приговорены к повешению, среди них был и зять султана. Казнь могла состояться лишь в том случае, если султан подпишет смертный приговор. Он умолял, чтобы ему разрешили пощадить зятя, хотя и не возражал против казни других двенадцати человек. Номинальный правитель 20 миллионов человек, образно говоря, опустился на колени перед Талаатом, но никакие жалобы не подействовали на этого решительного человека. Для Талаата это был шанс доказать, кто здесь является правителем, они или султан. Спустя несколько дней жуткая фигура зятя султана, болтающаяся на виселице на виду у всего турецкого населения, ясно напомнила империи, что Талаат и комитет являются истинными хозяевами Турции. После столь драматичной проверки силы султан больше не пытался вмешиваться в дела государства. Он знал, что случилось с Абдул-Хамидом, и боялся, что его ждет гораздо более страшная судьба.

Таким образом, к тому моменту, когда я приехал в Константинополь, младотурки уже полностью контролировали султана. Часто о нем говорили как о «машине по изготовлению указов», то есть, в нашем понимании, как о человеке, не способном на самостоятельные решения. Его государственные обязанности состояли лишь из выполнения определенных церемоний, таких как встреча послов и подписание бумаг, которые Талаат и его товарищи клали перед ним. Это была кардинальная перемена в турецкой системе, так как в течение долгих веков в этой стране султан был бесспорным главой, воля которого была законом и который держал в своих руках всю суверенную власть. Но не только султан, но и парламент теперь подчинился комитету, который выбирал практически всех его членов, голосовавших так, как им приказывали их начальники. Комитет уже поставил своих людей на посты в особо важных учреждениях и теперь пытался захватить власть в некоторых других важных местах, по каким-то причинам все еще находившихся в чужих руках.

Глава 2

Партийная система в Османской империи и то, каким образом она оказалась полезной немцам

Талаат, лидер этой шайки узурпаторов, в действительности обладал замечательными личностными качествами. Естественно, жизнь Талаата и его характер мне интересны, потому что за много лет я хорошо познакомился с политическим боссизмом в своей стране. Я видел в Талаате большое сходство с не вполне зрелыми, но все же способными горожанами, которые так часто в прошлом захватывали власть как на местах, так и в центре. Происхождение Талаата было темным, и в народе на этот счет ходило много слухов. Один источник утверждал, что Талаат был болгарским цыганом, в то время как другой заявлял, что он помак – то есть человек, в жилах которого течет болгарская кровь, но чьи предки приняли ислам. Если исходить из последней гипотезы, которую я лично считаю верной, то истинный правитель Турецкой империи вообще не был турком. Я могу лично засвидетельствовать, что его совершенно не волновал ислам; как и большинство лидеров партии «Единение и прогресс», он презирал все религии. Однажды он сказал мне: «Мне глубоко ненавистны все священнослужители, раввины и хаджи». Хаджи для магометан – это ближайший эквивалент служителя культа. В американских городах политики – это часто люди, занимавшие более чем скромное общественное положение и, что неудивительно, развившие в себе прекрасные политические способности. Так и Талаат начал свой карьерный путь с должности почтальона, затем он стал телеграфистом в Адрианопле. Талаат очень гордился началом своей карьеры. Один или два раза я бывал у него в гостях. Несмотря на то что Талаат был одним из самых могущественных людей в Турецкой империи, его дом был скромным домом человека из народа. Он был дешево обставлен, вся обстановка напоминала мне недорогую квартиру в Нью-Йорке. Самой дорогой вещью в нем был телеграфный аппарат, при помощи которого он когда-то зарабатывал себе на жизнь. Однажды вечером Талаат сказал мне, что он, министр внутренних дел, получив в тот день зарплату и погасив все свои долги, остался всего лишь с сотней долларов в кармане. Он любил проводить часть своего свободного времени с членами комитета партии «Единение и прогресс». Не найдя в кабинете, его следовало искать в штабе партии, где он дни напролет просиживал за письменным столом, занимаясь партийными вопросами. Вопреки скромному началу карьеры, Талаат сумел развить в себе качества светского человека. Хотя его воспитание исключало умение пользоваться ножом и вилкой – подобный инвентарь был абсолютно неизвестен в беднейших районах Турции, – Талаат мог присутствовать на дипломатических ужинах и представлять свою страну с достоинством и непринужденностью. Я всегда рассматривал это как признак врожденного ума. Ведь, фактически не имея образования, он быстро выучил французский на уровне, позволяющем непринужденно вести беседу. В физическом плане он был более чем выдающейся фигурой. Его могучее телосложение, широкая спина и твердые мускулы как бы подчеркивали силу ума, сделавшую возможным его карьеру. Обсуждая дела, Талаат любил сидеть за своим письменным столом с расправленными плечами и высоко поднятой головой. Его руки, обхват которых в запястьях был раза в два больше, чем у обычного мужчины, спокойно лежали на столе. Мне всегда казалось, что оторвать эти руки от столешницы можно будет лишь при помощи лома, раз уж они там находились благодаря силе воли и непокорному характеру Талаата. Когда я думал о Талаате, в памяти не возникали ни громкий его смех, ни то, как он наслаждался хорошим рассказом, ни то, как он мерил комнату могучими шагами, ни его свирепость, решительность или беспощадность. Мне всегда казалось, что его жизнь и характер были сосредоточены в его гигантских руках.

В облике Талаата, как и большинства сильных мужчин, иногда проскальзывало что-то дикое, можно сказать, даже жестокое. Однажды я обнаружил его сидящим на обычном месте, широкие плечи были расправлены, глаза сверкали, руки покоились на столе. Видя его в таком настроении, я всегда ожидал неприятностей. Я обращался к нему с просьбами, а Талаат отвечал между затылками одним только «Нет!».

Я подошел к его столу.

– Я полагаю, что вся проблема заключается в этих руках, ваше превосходительство, – сказал я. – Не снимите ли вы их со стола?

Лицо Талаата сначала сморщилось, но потом он всплеснул руками, откинулся назад и расхохотался. Ему так понравилось мое обращение к нему, что он удовлетворил все мои просьбы.

В другой раз я зашел к нему, когда у него были два арабских принца. Талаат был серьезным, величественным и отказывал мне во всех просьбах. «Нет, я не стану этого делать» или «Нет, у меня нет ни малейшего намерения этого делать», – отвечал он. Я видел, что он старается произвести впечатление на своих гостей, показать им, что он стал таким «большим» человеком, что, не колеблясь, отказывает послу. Поэтому я подошел ближе и тихо сказал ему:

– Я вижу, что вы стараетесь произвести впечатление на этих принцев. Если вам так необходимо становиться в позу, то делайте это с австралийским послом – он ждет за дверью. Мои дела слишком важны, чтобы к ним несерьезно относиться.

Талаат рассмеялся.

– Приходите через час, – сказал он.

Когда я вернулся, оба арабских принца уже ушли, и у нас не возникло проблем с тем, чтобы решить дела удовлетворительным для меня образом.

– Кто-то должен управлять Турцией, почему не мы? – однажды сказал мне Талаат. Ситуация как раз была близка к этому. – Я был очень разочарован, – продолжил он, – тем, что турки не приняли демократические принципы. Я очень надеялся на обратное и много работал для этого – но они не были к этому готовы.

Он понимал, что правительством может овладеть первый же инициативный и умеющий работать человек, и был решительно настроен стать таким человеком. Из всех турецких политиков, которых я когда-либо встречал, Талаат, на мой взгляд, был единственным, имевшим замечательные врожденные способности. Он был очень силен и имел огромное влияние на людей, соображал он быстро и имел почти сверхъестественную проницательность, вследствие чего легко понимал человеческие мотивы. Гениальность и чувство юмора сделали его прекрасным управленцем. После убийства Назима он показал всю свою жесткость, принимая меры, имеющие целью получение власти в раздробленной стране. Он распространил свое влияние на правительство не за один прием, нет, он действовал исподволь, осторожно выясняя обстановку. Талаат понимал все слабые места своего положения. Ему нужно было принимать во внимание несколько факторов: зависть товарищей по революционному комитету, следовавшую за ним буквально по пятам, армию, иностранные правительства, влияние нескольких фракций, которые выдумали то, что впоследствии выдавалось за общественное мнение. Любой из этих факторов мог уничтожить его как политически, так и физически. Он понимал всю опасность той тропы, на которую ступил, и всегда предвидел свою насильственную смерть. «Не суждено мне умереть в постели», – сказал он мне. Став министром внутренних дел, Талаат получил власть над полицией и администрацией провинций, или вилайетов. Это дало ему огромную власть, которую он использовал для усиления позиции комитета. Он пытался получить поддержку всех влиятельных фракций исподволь, ставя их представителей на посты в кабинете. И хотя позже он оказался виновным в убийстве сотен тысяч армян, в данное время Талаат утверждал, что комитет стремится к объединению всех этносов империи. И именно по этой причине членами кабинета были араб-христианин, перешедший в ислам еврей, черкес, армянин и египтянин.

Позже он сделал так, что пост великого визиря, самый высокий пост в правительстве, стал в общих чертах соответствовать посту канцлера в Германии. Человек, которого он выбрал на эту должность, Саид Халим, был египетским принцем, родственником хедива Египта, человеком богатым и образованным. Он говорил по-английски и по-французски свободно, как на родном языке, и был бы украшением любого общества. Но в то же время он был человеком безгранично тщеславным и амбициозным. Самым большим его желанием было стать хедивом Египта. И именно это заставило его связать свою политическую карьеру с той шайкой, что правила в Турции. С самого начала он финансировал младотурок, и его вклад в это дело был наибольшим. В награду они дали ему самый высокий пост в империи, правда при молчаливом согласии на то, что он не станет пытаться действовать в соответствии со своими полномочиями, а будет лишь наслаждаться своим высоким положением.

Подготовка Германии к войне в течение многих лет включала в себя изучение внутренней обстановки в других странах. Необходимой составляющей императорской программы было получение максимальных преимуществ из подобного рода смут для осуществления планов проникновения и завоевания. Всем известно, что эмиссары Германии пытались осуществить во Франции, Италии и даже в Соединенных Штатах, и их успех в России сильно изменил ход войны. Несомненно, что существовавшая в 1913–1914 годах в Турции обстановка давала прекрасные возможности для подобного рода манипуляций. Однако у Германии в Турции было одно преимущество, не столь очевидное в других странах. Талаат и его товарищи нуждались в Германии почти так же сильно, как Германия – в Талаате. Талаат и его товарищи были новичками в деле управления государством. Их финансы были исчерпаны, армия и морской флот разбиты в пух и прах, враги постоянно пытались уничтожить их, а великие державы рассматривали их как жалких авантюристов, чья карьера должна была быть скоро завершена. Без мощной поддержки извне было лишь вопросом времени, как долго сможет просуществовать новый режим. Талаату и его комитету была необходима чужая сила, чтобы создать армию и морской флот, выделить средства для народа, помочь восстановить промышленность и защитить все это от агрессии окружающих Турцию держав. Они были невежественны в искусстве управления государством и поэтому нуждались в мудром советнике, который мог бы провести их через все капканы международных интриг. Где можно было найти такого защитника? Очевидно, лишь одна великая европейская держава могла подойти на эту роль. Какая же? Десять лет назад Турция, естественно, обратилась бы к Англии. Но сейчас Турция рассматривала Англию как государство, лишившее ее Египта и не защитившее от распада после Балканской войны. Теперь Великобритания вместе с Россией контролировала Персию и поэтому являлась постоянной угрозой для азиатских владений – по крайней мере, так считала Турция. Англия малопомалу отзывала свой капитал из Турции, английские государственные деятели полагали, что задача выталкивания Турции из Европы почти выполнена и что вся ближневосточная политика Великобритании зависит от сохранения политической ситуации на Балканах, что обеспечивалось Бухарестским мирным договором. Договором, который Турция отказывалась считать значимым и который собиралась расстроить. Кроме того, Турция боялась России в 1914 году так же, как во времена Петра I. Россия была историческим врагом, нацией, которая дала свободу Болгарии и Румынии, которая была самой активной в разделении Оттоманской империи и которая считала себя единственной силой, способной владеть Константинополем. Я полагаю, что этот страх перед Россией был одним из факторов, толкнувших Турцию в объятия Германии. В течение более сотни лет Турция рассматривала Англию как самую надежную защиту от российской агрессии, теперь же Англия стала мнимым другом России. Более того, тогда было широко распространено разделяемое главами Турции мнение, что Англия очень хотела бы, чтобы Россия «унаследовала» Константинополь и Дарданеллы.

Хотя Россия в 1914 году не выказывала подобных намерений, по крайней мере открыто, сам факт ее давления на Турцию делал невозможным обращение Талаата и Энвера к ней за

поддержкой. Италия захватила последнее турецкое владение в Африке – Триполи и удерживала Родос и некоторые другие турецкие острова. Кроме того, было известно, что она вынашивает агрессивные планы по отношению к полуострову Малая Азия. Франция была союзником России и Великобритании и постоянно расширяла свое влияние в Сирии, с которой связывала грандиозные планы «проникновения» посредством железных дорог, концессий и т. п. Личное равенство играло важную роль в последовавшей драме. Послы Антанты почти не скрывали своего презрения как к правящим в Турции политикам, так и к их методам. Сэр Луи Маллет, британский посол, был благородным и образованным английским джентльменом; Бомпар, французский посол, был очаровательным и благородным человеком. Оба были непригодны для участия в убийственных интригах, которые являла тогда турецкая политика. Гирс, российский посол, был гордым и высокомерным дипломатом – представителем старого аристократического режима. Он был чрезвычайно хитер, но с младотурками обращался презрительно, не скрывая собственнического интереса к их стране. И мне казалось, что он как бы уже занес меч над презираемым им правительством. Было абсолютно очевидно, что все три посла Антанты считали недолговечным режим Талаата и Энвера и не думали способствовать его укреплению. На их глазах за последние шесть лет в Турции поднимались и падали правительства, и не было причин сомневаться, что этот последний захват власти продлится дольше нескольких месяцев.

Но был в Турции один активный человек, который не колеблясь использовал средства, казавшиеся ему подходящими для достижения собственной цели. Вангенхайм отчетливо видел то, что его коллеги осознавали очень слабо: эти люди постоянно укрепляли свое влияние в Турции и искали сильную державу, которая оценила бы их положение и помогла бы им удержаться. Чтобы уяснить ситуацию, давайте ненадолго обратимся к стране, находящейся к нам значительно ближе Турции. В 1913 году Викторiano Уэрта и его друзья– заговорщики захватили власть над Мексикой при помощи средств, не слишком отличающихся от тех, что дали Талаату и комитету верховную власть над Турцией. Точно так же, как Уэрта убил Мадеро, так и младотурки убрали со своего пути Назима: в обеих странах убийство стало постоянным политическим оружием. Уэрта контролировал мексиканский конгресс и учреждения, так же как Талаат – турецкий парламент и основные должности в государстве. Мексика при Уэрте была бедной страной, финансовая ситуация была более чем плачевной, промышленность и сельское хозяйство – истощены, точно в таком же положении находилась Турция при Талаате. Как Уэрта собирался сохранить свое положение и реабилитировать свою обезумевшую страну? Конечно же был лишь один путь – необходимость заручиться поддержкой какой-нибудь сильной иностранной державы. По этой причине он неоднократно пытался получить одобрение Соединенных Штатов, а когда мы отказались иметь дело с убийцей, Уэрта обратился к Германии. Давайте представим, чем же мог ответить кайзер. Он мог преобразовать финансовую систему Мексики, восстановить ее железные дороги, заново построить промышленность, модернизировать армию и, таким образом, получить власть над страной, которая стала бы тогда его номинальным владением.

Только одна вещь помешала Германии сделать это – доктрина Монро. Но в Турции доктрина Монро не действовала, и то, что я лишь посчитал возможным в Мексике, является точным описанием того, что случилось в Османской империи. Когда я оглядываюсь назад, то вся ситуация кажется ясной, простой и неизбежной. Германия до этого времени была практически единственной страной в Европе, которая не присвоила себе бывших турецких территорий. И этот факт дал ей вначале преимущество. Представительство Германии в Константинополе было гораздо более квалифицированным, чем послы какой-либо другой страны, так что могло разобраться в ситуации. И дело было не только в отсутствии сомнений, но и в лучшей осведомленности и мастерстве. Вангенхайм тогда был не единственным талантливым немцем в Турции. Особенно влиятельным представителем пангерманизма был Пауль Вайц, который в течение тридцати лет представлял газету «Франкфуртер цайтунг» в Турции. Вайц был ближе

всех знаком с турками и турецкими делами; не было такого места, куда бы он не мог получить доступ. Подсказывая, советуя, информируя, он всегда был рядом с Вангенхаймом. Немецкий морской атташе, Хуман, сын известного немецкого археолога, родился в Смирне и провел здесь практически всю свою жизнь. Он не только говорил по-турецки, но мог также думать как турок, так что психология этого народа стала частью его менталитета. Более того, Энвер, один из двух турецких вождей, был с Хуманом в дружеских отношениях. Когда я думаю об этом опытным трио: Вангенхайм, Вайц и Хуман – и об очаровательных и честных джентльменах, которые ему противостояли, произошедшие события кажутся мне столь же неизбежными, как и естественные процессы в природе. К весне 1914 года Талаат и Энвер, представлявшие Центральный комитет партии «Единение и прогресс», практически доминировали в Турецкой империи. Вангенхайм, не забывая о приближающейся войне, имел перед собой одну-единственную цель, достижение которой было необходимо: контроль над Талаатом и Энвером.

В начале января 1914 года Энвер стал военным министром, к тому времени ему было 32 года. Как и большинство турецких политиков, он происходил из скромной семьи. А его звание «героя революции» указывало на то, почему Талаат и комитет назначили его военным министром. У Энвера была репутация военного, хотя, насколько мне известно, он никогда не добивался больших военных успехов. Революция 1908 года, в которой он был одним из лидеров, унесла очень немного человеческих жизней; в 1912 году он командовал армией в Триполи против итальянцев – но в этой кампании конечно же не было ничего наполеоновского. Однажды сам Энвер рассказал мне, как во время 2-й Балканской войны, во время захвата Адрианополя, он во главе своих войск скакал всю ночь на коне, и, так как к моменту прибытия на место болгары оставили город, победа оказалась бескровной. Однако у Энвера была одна характерная особенность, способствующая успеху в столь бедствующей стране, как Турция, – это его смелость. Он быстро принимал решения, всегда был готов рисковать своим будущим и своей жизнью для успеха очередного дела. И действительно, с самого начала его карьера представляла ряд счастливо преодоленных кризисов. Его отличала жестокость, холодная решимость и практически полное отсутствие сострадания, но ни одно из этих качеств невозможно было заметить, глядя на его приятное лицо, маленькую, но крепкую фигуру и наблюдая за его приятными манерами. Также обычный наблюдатель не заметил бы страстных личных амбиций, которые управляли им. Все друзья обычно, обращаясь к нему, называли его Наполеончик – маленький Наполеон, – и это прозвище действительно соответствовало характеру Энвера. Помню, однажды вечером я был у него в гостях, с одной стороны висел портрет Наполеона, с другой – Фридриха Великого, а между ними восседал Энвер! Этот факт давал некоторое представление о его тщеславии. Эти два воина и государственных деятеля были великими героями, и, я полагаю, Энвер считал, что у судьбы есть про запас сходная карьера и для него. Тот факт, что в 26 лет он сыграл одну из главных ролей в революции, в ходе которой был свергнут Абдул-Хамид, дал ему повод сравнить себя с Бонапартом. Несколько раз он говорил мне, что считает себя «рукой providения». Энвер верил, что он был избран Богом для восстановления славы Турции, и считал себя великим диктатором. И все же во внешности Энвера было нечто изящное и женственное. Он принадлежал к тому типу людей, которых в Америке иногда называют женским идолом, и женщины, описывая его, часто используют слово «модный». На лице его никогда не отражались эмоции, почему никогда нельзя было понять, что он чувствует или о чем думает. Он всегда был спокоен, тверд и хладнокровен. Путь, выбранный Энвером для получения верховной власти, показал, что ему не хватало проницательности Наполеона, слишком уж рано он связал свои личные успехи с Германией. В течение долгих лет его симпатии были на стороне кайзера. Германия, немецкая армия и морской флот, немецкий язык и немецкая авторитарная система заморозили юного проповедника турецкой демократии. После падения Хамида Энвер отправился с военной миссией в Берлин. Кайзер тут же увидел в нем человека способного к претворению его планов на Востоке и всячески поощрял это. После этого Энвер,

будучи военным атташе, провел долгое время в Берлине. Этот опыт значительно усилил его любовь к Германии. Человек, вернувшийся в Константинополь, был значительно больше немцем, чем турком. Он свободно говорил по-немецки и даже носил закрученные вверх усики. И действительно, он был целиком и полностью пленен пруссианизмом. Лишь только Энвер стал военным министром, Вангенхайм начал льстить и обхаживать молодого человека, играть на его тщеславии и, возможно, пообещал, что Германия полностью поддержит его в устремлениях. В личных разговорах Энвер не делал тайны из своего восхищения Германией.

Таким образом, то, что Энвер стал военным министром, в действительности было победой Германии. Он немедленно провел радикальную реорганизацию армии. Так, Энвер лично сказал мне, что согласился принять пост только при условии, что ему дадут полную свободу действий, и теперь развил бурную деятельность. В армии еще было большое число офицеров, которые в свое время находились в отрядах убитого Назима и больше благоволили старому режиму, чем младотуркам. Энвер быстро уволил 268 из них и поставил на их место турок – членов «Единения и прогресса», а также множество немцев. Группа Энвера и Талаата всегда боялась революции, которая могла бы их свергнуть так же, как они сместили своих предшественников. Много раз они говорили мне, что их революционный успех показал им, как легко несколько решительных человек могут захватить власть над страной. По их собственным словам, они не предполагали, что небольшая группа недовольных в армии организует государственный переворот. Смелость поступка Энвера встревожила даже Талаата, но Энвер продемонстрировал решимость и отказался отменять это решение, несмотря на то что одним из уволенных офицеров был Чукри-паша, который оборонял Адрианополь во время Балканской войны. Энвер издал указ, касающийся турецких офицеров, в котором, в сущности, говорилось, что желающие продвижения по службе должны обращаться к нему и что ничего хорошего их ждать не будет, если они обратятся к кому-нибудь другому.

Таким образом, первые действия Энвера были началом пруссификации турецкой армии, но Талаат был не столь воодушевлен Германией, как его товарищ. Он не собирался играть по немецким правилам и работал лишь для комитета и для себя. Однако он не мог добиться успеха, не контролируя армию. Поэтому он сделал Энвера, который в течение многих лет был его ближайшим соратником в «Единении и прогрессе», военным министром. Все возвращалось на круги своя: если у него должна была быть армия, то она должна быть сильной, и поэтому он обратился туда, откуда мог получить помощь, – к Германии. Во второй половине 1913 года Вангенхайм и Талаат договорились, что кайзер отправит военную миссию для реорганизации вооруженных сил Турции. Талаат сказал мне, что, приглашая эту миссию, он использовал Германию, в Германии же полагали, что таким образом они использовали его. Он прекрасно понимал, что подобный шаг содержал определенную опасность. Депутат, в январе 1914 года обсуждавший ситуацию с Талаатом, предоставил мне запись разговора, демонстрирующую то, что происходило тогда на уме у Талаата.

«– Почему вы передаете управление государством немцам? – спросил депутат, имея в виду немецкую военную миссию. – Неужели вы не видите, что это часть немецкого плана, согласно которому Турция должна стать немецкой колонией? Мы же можем стать вторым Египтом!»

– Мы прекрасно понимаем, – ответил Талаат, – что это все немецкая программа. Мы также знаем, что не сможем поставить эту страну на ноги собственными силами. Поэтому мы должны использовать все преимущества технической и материальной поддержки, которые Германия может нам дать. Мы будем использовать Германию для восстановления и защиты страны до тех пор, пока не сможем править, используя лишь собственные силы. Когда этот день придет, мы распрашиваемся с Германией в течение двадцати четырех часов».

Конечно же физическое состояние турецкой армии требовало помощи из какого-либо внешнего источника. Таково было состояние империи до прибытия немцев. Когда я отправил

приглашения на первый прием, большое количество турецких чиновников попросили разрешения прийти в вечерних костюмах; они сказали, что униформы у них нет и нет денег, на которые ее можно было купить или взять напрокат. Они не получали заработную плату в течение трех с половиной месяцев. Так как великий визирь, отвечавший за этикет на торжественных приемах, все еще настаивал на полном обмундировании, многие из них вынуждены были пропустить этот вечер. Примерно в то же время делегат новой немецкой миссии попросил командира II армейского корпуса провести учения. Но командир ответил, что не может этого сделать, так как у его людей нет обуви!

Впоследствии Талаат казался отчаявшимся и слабым, но я все же думаю, что он, по крайней мере, тогда не был сознательным инструментом Германии. Эпизод, в котором принимал участие я сам, лишь подтверждает это. Описывая отношение великих держав к Турции, я ничего не сказал о Соединенных Штатах. И действительно, в то время у нас не было важных деловых связей. Турки считали нас страной идеалистов и альтруистов, а тот факт, что мы потратили миллионы на строительство учебных учреждений в их стране лишь из благотворительных мотивов, вызвал их удивление и, возможно, восхищение. Им нравились американцы. Они рассматривали нас как единственного незаинтересованного друга среди всех держав. Турция нас мало интересовала: бизнес компании «Стандард ойл» расширялся, компания «Зингер» продавала швейные машинки армянам и грекам, мы покупали их табак, фиги и плоды, собирали лакричный корень. В добавление к этому наши контакты с Турецкой империей осуществлялись миссионерами и экспертами по образованию. Турки знали, что мы не собираемся расчленять их страну или вмешиваться в балканскую политику. Отсутствие интереса у моей страны, возможно, и было той причиной, по которой Талаат столь свободно обсуждал турецкие дела со мной. В ходе этих разговоров я часто высказывал свое желание служить им. И у Талаата и других членов кабинета даже вошло в привычку обсуждать со мной государственные дела. Вскоре после моего приезда я держал речь в американской коммерческой палате в Константинополе; Талаат, Джемаль и другие лидеры были там. Я говорил об отсталой экономике Турции и советовал им сохранять мужество. Я описал им положение Соединенных Штатов после Гражданской войны и упомянул, что южные штаты представляли собой зрелище, не слишком отличающееся от современной Турции. Затем я рассказал, как мы работали, развивали наши природные запасы и строили нашу сейчас развивающуюся государственность. Мои высказывания произвели большое впечатление, в особенности мой рассказ о том, что после Гражданской войны США стали заемщиками на иностранных валютных рынках и склоняли людей со всех частей света к иммиграции.

Эта речь, видимо, дала Талаату новую идею. Ведь вполне вероятно, что США могут предоставить им материальную поддержку, которую они искали в Европе. Я уже предлагал отправить американского финансового эксперта для изучения турецкой финансовой системы. В связи с этим я упомянул мистера Генри Брюэ из Нью-Йорка – это предложение турки встретили благосклонно. В то время Турция больше всего нуждалась в деньгах. Франция в течение многих лет оказывала финансовую поддержку Турции, и весной 1914 года французские банкиры вели переговоры о еще одной большой ссуде. И хотя Германия и давала небольшие ссуды, состояние берлинского финансового рынка не позволяло Турции ожидать помощи из этого источника.

В конце декабря 1913 года Бустани-эфенди – араб-христианин, министр торговли и сельского хозяйства, свободно говорящий по-английски (он был турецким комиссаром на Чикагской мировой ярмарке в 1893 году), – обратился ко мне с вопросом о возможности получения американской ссуды. Бустани спрашивал, не найдутся ли в Америке финансисты, которые смогли бы полностью проконтролировать реорганизацию турецкой финансовой системы. Его просьба была криком отчаяния и глубоко меня тронула. Как я тогда написал в своем дневнике: «Они тщетно пытаются найти деньги». Но я провел в Турции всего лишь шесть месяцев и, оче-

видно, не обладал достаточной информацией, чтобы решиться что-либо посоветовать американским банкирам на этот счет. Я проинформировал Бустани, что мое мнение не будет иметь большого значения в Соединенных Штатах, если не будет основано на полном и точном знании экономической ситуации в Турции. Через несколько дней ко мне пришел Талаат и предложил совершить путешествие по империи и самостоятельно изучить ситуацию. Он спросил также, не смогу ли я устроить для них небольшой заем. Он сказал, что в турецкой казне денег нет и если бы я сумел найти для них 5 миллионов долларов, то это их вполне устроило бы. Я ответил, что попытаюсь достать для них эту сумму, а также принимаю его предложение и изучу состояние империи, чтобы, возможно, в дальнейшем заинтересовать американских инвесторов. Получив согласие Государственного департамента, я написал своему племяннику и деловому партнеру, мистеру Роберту Э. Саймону, прося разузнать, как отнесутся нью-йоркские банкиры к тому, чтобы дать небольшой временный заем Турции. Расследование мистера Саймона показало, что ссуда Турции не считается в Америке привлекательным вложением денег. Однако мистер Саймон написал, что мистер С.К.Г. Биллингс проявил большой интерес к этой идее и что, если я пожелаю, мистер Биллингс готов прибыть сюда на своей яхте, чтобы обсудить это дело с турецким кабинетом и со мной. Через несколько дней мистер Биллингс отправился в Константинополь.

Новость о скором приезде мистера Биллингса очень быстро распространилась по турецкой столице. А тот факт, что он прибывает на собственной яхте, кажется, многократно усиливал впечатление от этого события. То, что американский миллионер был готов помочь истощенной турецкой казне, и то, что эта поддержка была лишь первым шагом американских капиталистов в реорганизации турецкой финансовой системы, вызвало чрезвычайное волнение в зарубежных посольствах. И действительно, информация распространилась столь быстро, что я даже заподозрил, что турецкий кабинет не прилагает ни малейших усилий к тому, чтобы сохранить этот факт в секрете. Подозрения усилил визит главного раввина Нахума, который сообщил мне, что пришел по просьбе Талаата.

– Ходят слухи, – сказал главный раввин, – что американцы готовы дать заем Турции. Талаат будет вам очень признателен, если вы не станете их опровергать.

Вангенхайм был почти в истерике: идея касательно того, что Америка станет помогать Турции с финансированием, шла вразрез с его планами, поскольку нищета Турции могла помочь Германии захватить власть над ней. Однажды я показал Вангенхайму книгу с гравюрами, на которых были изображены дома мистера Биллингса, картины и лошади. Он выразил огромную заинтересованность, и не только в лошадях, – Вангенхайм был в некотором роде наездником, – а в очевидном доказательстве богатства этого человека. В течение нескольких следующих дней в моем офисе побывало несколько послов и министров, каждый из них хотел взглянуть на эту книгу! Время прибытия мистера Биллингса все приближалось, и Талаат стал тщательно продумывать, как развлечь гостя; он обратился ко мне с вопросом по поводу того, кого пригласить на намечающиеся ужины, обеды и приемы. Вангенхайм, как всегда, был впереди всех. Он не мог прийти на спланированный нами ужин и попросил меня пригласить его на ленч. Таким образом, он встретил мистера Биллингса на несколько часов раньше, чем остальные дипломаты. Мистер Биллингс откровенно сказал ему, что заинтересован в Турции и что, вполне вероятно, даст заем.

Вечером мы устроили званый обед в честь партии мистера Биллингса, присутствовали все важные члены турецкого кабинета. Перед приемом состоялась продолжительная беседа о займе между Талаатом, мистером Биллингсом и мной. Талаат проинформировал нас, что французские банкиры в этот самый день приняли турецкие условия и поэтому в данный конкретный момент нужды в американских деньгах нет. Он был чрезвычайно любезен, признателен мистеру Биллингсу и щедр в выражении благодарности. И действительно, иначе и быть не могло, поскольку приезд мистера Биллингса дал возможность Турции прекратить перегово-

воры с французскими банкирами. В его попытке выразить свою благодарность была одна любопытная деталь. Энвер, второй человек в кабинете, во время приезда мистера Биллингса отмечал свою свадьбу. Об успехах, достигнутых Энвером в турецком мире, свидетельствует тот факт, что, хотя Энвер, как я уже говорил, происходил из простой семьи, его невеста принадлежала к турецкому правящему дому. Турецкие свадьбы являются тщательно продуманными действиями, которые длятся по два– три дня. На следующий день после посольского званого приема Талаат устроил обед в Серкль д'Ориент для Биллингса и его сопровождающих, а также настоял на том, чтобы Энвер покинул свадебную церемонию и был на приеме. Таким образом, Энвер пришел на обед, присутствовал во время речей, а затем вернулся на праздник.

Я убежден, что Талаат не считал эпизод с визитом Биллингса закрытым. Когда я оглядываюсь назад, то отчетливо вижу, что он искал способ вырвать из трудностей собственную страну и никогда не забывал о возможности того, что Соединенные Штаты могут оказать помощь в осуществлении этого спасения. Он часто говорил со мной о мистере Биллингсе, и даже после того, как Турция порвала с Францией и Англией и в финансовом вопросе зависела от Германии, он все еще мысленно возвращался к визиту мистера Биллингса. Возможно, он думал о нашей стране как о мирной финансовой гавани, после того как он выполнит свой план вытеснения немцев. Я уверен, что возможность американской помощи заставляла его в дни войны совершать поступки, которые в ином случае он никогда бы не совершил. «Напомните обо мне мистери Биллингсу», – сказал он незадолго до того, как я покинул Константинополь. Я уверен, что этот визит на яхте, вопреки большому количеству забавных эпизодов, сопровождавших его, спас множество людей от голода и массовых убийств.

Глава 3

Личный представитель кайзера Вангенхайм не поддерживает продажу американских военных кораблей Греции

Уже в марте 1914 года немцы имели большое влияние в Турции. Лиман фон Зандерс, прибывший в декабре, стал самым влиятельным лицом в турецкой армии. Вначале назначение фон Зандерса не вызвало особой настороженности, ведь немцев приглашали и раньше, правда один-единственный раз, когда дело касалось фон дер Гольца, занимавшегося обучением турецкой армии. В то же время английская военно-морская миссия, возглавляемая адмиралом Лимпусом, уже тогда пыталась выполнить сложную задачу – перестроить турецкий военно-морской флот. Однако мы вскоре узнали, что случай фон Зандерса отличался от названных мной случаев. Еще до приезда фон Зандерса было объявлено, что он должен взять командование I турецким армейским корпусом и что генерал Бронссарт фон Шеллендорф должен был стать начальником штаба. Эти назначения были лишь подтверждением того, что планы кайзера по присоединению турецкой армии к его собственной почти завершены. Чтобы показать, сколько власти давало фон Зандерсу его назначение, достаточно упомянуть, что I армейский корпус практически полностью контролировал Константинополь. Эти перемены продемонстрировали, сколь мелкой сошкой стал Энвер-паша в прусской системе. Вполне понятно, что представители Антанты не могли терпеть этой узурпации власти немцами. Британский, французский и российский послы немедленно обратились к великому визирю и заявили протест по поводу возвышения фон Зандерса, скорее горячо, чем вежливо. Турецкий кабинет, как обычно, запинаясь и заикаясь, говорил, что эта перемена не столь важна, но в конце концов отказался от назначения фон Зандерса главой I армейского корпуса и назначил его генерал-инспектором. Однако это не помогло, поскольку на этом посту у фон Зандерса было гораздо больше власти, чем на предыдущем. Таким образом, к январю 1914 года, за семь месяцев до начала войны, Германия имела прочные позиции в турецкой армии: один немецкий генерал был начальником штаба, другой – генерал-инспектором, множество немецких офицеров занимали высокие посты, а турецкий политик, открытый защитник Германии, Энвер-паша, был военным министром.

Добившись значительного дипломатического успеха, Вангенхайм получил отпуск, который явно заслужил, в то же самое время отправился в отпуск и российский посол Гирс. Баронесса Вангенхайм объяснила мне, тогда несведущему во всех этих тонкостях дипломатии, что означают все эти отпуска. Разрешение на отпуск, полученное Вангенхаймом, по ее словам, означало, что министерство иностранных дел Германии считало, что эпизод с фон Зандерсом завершился – и завершился победой Германии. Также она объяснила, что отпуск Гирса означает, что Россия не желает признавать эту точку зрения, то есть в России считали, что дело фон Зандерса еще не завершено. Помню, как я сообщал домой, что в этой загадочной ближневосточной дипломатии нации общаются между собой с помощью действий, а вовсе не слов, и сказанное баронессой Вангенхайм доказывало это.

Инцидент, произошедший в моем доме, открыл всем нам глаза на то, насколько серьезно рассматривал свою миссию фон Зандерс. 18 февраля я давал свой первый дипломатический ужин, на котором присутствовали генерал фон Зандерс и две его дочери. Генерал сидел рядом с моей дочерью Рут. Однако моя дочь не получила особого удовольствия. Одетый в свою великолепную униформу, этот немецкий генерал, чью грудь покрывали сверкающие медали, практически весь ужин молчал. Генерал угрюмо поглощал пищу, и все попытки моей дочери заве-

сти с ним разговор провалились: она получала лишь односложные ответы. Поведение этого военного лидера напоминало поведение избалованного ребенка.

В конце ужина фон Мутиус, выполняющий функции временного поверенного в делах, подошел ко мне. Он очень волновался.

Потребовалось некоторое время, чтобы он успокоился.

– Вы совершили ужасную ошибку, господин посол, – сказал он мне.

– Что случилось? – спросил я, застигнутый врасплох.

– Вы оскорбили генерала фон Зандерса. Во время ужина вы посадили его рядом с людьми, которые ниже его рангом. Он личный представитель кайзера, а значит, приравнивается по рангу к послам. Он должен сидеть рядом с членами кабинета министров и министрами иностранных дел.

Так я публично оскорбил самого императора! И это было причиной неучтывого поведения фон Зандерса. К счастью, мое положение было неуязвимо. На этом ужине я не организовывал посадку гостей по рангу, а отправил список гостей маркизу Паллавичини, австрийскому послу, старшине дипломатического корпуса и самому авторитетному человеку в Константинополе по столь деликатному вопросу. Маркиз вернул список, поставив напротив каждого имени красными чернилами порядок посадки по рангу – 1, 2, 3, 4, 5 и так далее. Так как этот документ пришел из австрийского посольства, я его до сих пор храню, и имя генерала фон Зандерса стоит там под номером 13. Однако я должен признать, что на 13-м стуле он оказался на другом конце стола.

Я объяснил ситуацию фон Матиусу и попросил гостя этого ужина мистера Панфили, советника австрийского посольства, подойти и объяснить ситуацию оскорбленному немецкому дипломату. Так как австрийцы и немцы были союзниками, то совершенно очевидно, что пренебрежение, если это можно так назвать, было непреднамеренным. Панфили ответил, что он уже ломал голову над вопросом о месте фон Зандерса и представил вопрос на рассмотрение маркизу. Закончилось дело тем, что австрийский посол лично поставил фон Зандерса на 13-е место. Но немецкое посольство не позволило делу на этом завершиться, поскольку позже Вангенхайм подошел к Паллавичини, чтобы обсудить с ним это дело.

– Если Лиман фон Зандерс представляет кайзера, то кого вы представляете? – спросил Паллавичини Вангенхайма.

Аргумент был очень хорошим, так как посол всегда рассматривается замещающим своего суверена.

– Два представителя императора при одном дворе, – продолжил маркиз, – это весьма непривычно.

Так как маркиз не уступил, Вангенхайм обратился с этим вопросом к великому визирю. Но Саид Халим отказался брать на себя ответственность за столь важное решение и передал это дело в Совет министров. Там со всей серьезностью подошли к рассмотрению этого происшествия и вынесли следующий вердикт: фон Зандерс должен располагаться по рангу выше, чем министры других стран, но ниже представителей турецкого кабинета. Тут уже запротестовали министры иностранных дел. Подняв этот вопрос, фон Зандерс стал чрезвычайно популярным, а грубая деспотичная форма, в которой он это сделал, вызвала отвращение. Министры объявили, что если когда-либо на приеме фон Зандерсу будет дано преимущество перед ними, то они просто в полном составе покинут ужин. Результатом всего этого стало то, что фон Зандерса больше никогда не приглашали на дипломатические ужины. Сэр Луи Маллет, британский посол, сардонически пошутил по этому поводу. «Хорошо, – говорил он, – что это произошло не в моем посольстве. Случись это там, газеты тут же стали бы писать о натянутых отношениях между Англией и Германией!» В итоге это действие имело большую международную огласку. Личное тщеславие фон Зандерса заставило его выдать дипломатический секрет: он был не только профессионалом, призванным обучать турецкую армию, но действительно

тем, за кого себя выдавал, – личным представителем кайзера. Кайзер выбрал его, как до этого Вангенхайма, для исполнения своей воли в Турции. Спустя некоторое время фон Зандерс с той самой гордостью, с которой немецкие аристократы говорят о своем императоре, рассказывал мне о том, что в день назначения в Константинополь, давая ему последние инструкции, Вильгельм говорил с ним в течение целого часа. О произошедшем во время ужина инциденте я доложил своему правительству в качестве доказательства растущей власти Германии в Турции. Я предположил, что остальные послы также доложили об этом своим правительствам. Американский военный атташе, майор Джон Р.М. Тэйлор, присутствующий при этом, придавал огромное значение этому случаю. Спустя месяц после происшествия он вместе с капитаном Маккоули, командиром «Скорпиона», американского стационара в Константинополе, обедали в Каире с лордом Китченером. За столом было немного людей: лишь американцы, лорд Китченер, его сестра и помощник. Майор Тэйлор рассказал об инциденте, к чему Китченер проявил большой интерес.

– Как вы думаете, что это значит? – спросил Китченер.

– Я полагаю, – ответил майор Тэйлор, – это значит, что, когда дело дойдет до большой войны, Турция, скорее всего, окажется союзником Германии. Если даже она не будет прямым союзником, то эффект ее присутствия на Кавказе отвлечет три российских армейских корпуса от Европейского театра военных действий.

Китченер подумал несколько мгновений и сказал:

– Я согласен с вами.

Уже несколько месяцев мы были свидетелями того, как Германия берет под контроль турецкую армию. Каждый день немецкие офицеры муштровали турецкие войска – и это, по моему глубокому убеждению, было подготовкой к приближающейся войне. Какие результаты были достигнуты, стало ясно, когда в июле был проведен большой военный смотр. Поводом явилось очень торжественное событие. В городе присутствовал султан; он сидел в красиво отделанном шатре в окружении своей маленькой свиты: там был и хедив Египта, и наследный принц Турции, и принцы королевской крови, и весь кабинет. Мы увидели, что за прошедшие шесть месяцев турецкая армия стала практически полностью прусской. Еще в январе это была недисциплинированная, оборванная толпа, а сейчас она бодро шагала гусиным шагом. Людей одели в серую немецкую полевую форму, их головные уборы по форме напоминали немецкие каски. Немецкие офицеры чрезвычайно гордились этим смотром. Превращение бедных турецких солдат в опрятно одетое, уверенное, прекрасно марширующее войско было поистине большим военным достижением. Когда султан пригласил меня к себе в шатер, я, естественно, поздравил его с прекрасным военным смотром. Он не выразил особого энтузиазма, сказав, что его очень расстраивает возможность войны; в душе он был пацифистом. Я заметил, что многих не было на этом большом немецком празднике, в частности французского, британского, российского и итальянского послов. Бомпар сказал, что он получил десять билетов, но не посчитал это за приглашение. С некоторым удовольствием Вангенхайм заметил, что другие послы из зависти не пожелали воочию убедиться в прогрессе, сделанном турецкой армией под немецким началом. У меня не было ни малейшего сомнения в том, почему у этих послов не возникло никакого желания посетить этот немецкий праздник; я их за это не винил.

В то же время у меня появились новые доказательства того, что Германия принимала активное участие в турецкой политике. В июне отношения между Грецией и Турцией достигли критической отметки. Согласно лондонскому мирному договору (30 мая 1913 года) острова Хиос и Митилена перешли во владения Греции². Если посмотреть на карту, то можно понять стратегическую важность этих островов. Они стоят в Эгейском море, как хранители, контролирующие залив и порт Смирны. Очевидно, что любая сильная в военном отношении нация,

---

² Фактически Греция аннексировала острова Хиос и Митилена 13 июня 1914 г.

обладающая этими главными точками, станет контролировать Смирну и все Эгейское побережье Малой Азии. По причинам этнического характера длительное пребывание этих островов во владении Греции представляло собой постоянную военную опасность для Турции. Население было греческим, и являлось таковым со времен Гомера; жители побережья Малой Азии также были греками; более половины населения Смирны, самого крупного средиземноморского порта Турции, было греческим, поэтому турки часто называли его Гяур-Измир, что в переводе означало Неверная Смирна. Хотя это греческое поселение номинально было оттоманским, никто там не скрывал своей привязанности к греческой отчизне. Эти азиатские греки даже старались вносить свой вклад в достижение национальных целей Греции. Кстати, острова и материк в Эгейском море являлись невоссоединенной Грецией, и то, что Греция была решительно настроена отвоевать их точно так же, как до этого захватила Крит, не составляло дипломатического секрета. Если когда-либо греки высадят свою армию на этом побережье Малой Азии, то не вызывает сомнений, что греческое население станет на их сторону.

Однако так как у Германии были собственные планы в отношении Малой Азии, то греки неизбежно являлись препятствием на пути пангерманских стремлений. Оставаясь греческим, этот регион являлся естественным препятствием на немецком пути к Персидскому заливу точно так же, как и Сербия. Любой, кто хоть бегло знаком с пангерманской литературой, знаком с тем специфическим методом, который прилагали немецкие публицисты для обращения с нациями, стоявшими на пути Германии. Это ссылка. Насильственное переселение народа из одной части Европы в другую так, как будто этот самый народ был стадом скота, являлось в течение многих лет непосредственной частью планов кайзера. После начала войны так поступили с населением Бельгии, Польши и Сербии, но хуже всего, о чем я позже расскажу, пришлось Армении. Действуя по указу Германии, Турция начала применять этот принцип в отношении своих греческих субъектов в Малой Азии. Три года спустя немецкий адмирал Узедом, во время бомбардировки находившийся в Дарданеллах, сказал мне, что именно немцы «предложили, чтобы греков переселили с морского берега». Мотивы Германии, по его словам, были чисто военными. Я не уверен, понимали ли Талаат и его товарищи, что они играли свою роль в немецком спектакле, но нет сомнений, что немцы постоянно провоцировали их на это.

Последовавшие события были предвестниками политики, примененной во время массовых убийств армян. Турецкие чиновники обрушились на греков, собрали их в группы и посадили на корабли. Они не дали им времени, чтобы уладить личные дела, и не прикладывали ни малейших усилий, чтобы не разбить семьи. Их план был следующим: они хотели перевезти греков на целиком греческие острова в Эгейском море. Естественно, греки восстали против такого решения, результатом чего стали периодически возникавшие серии убийств, в особенности много народа пострадало в Фоке, где было убито более 50 человек. Турки требовали, чтобы все иностранные компании в Смирне уволили греческих работников и заменили их мусульманами. Среди прочих американских фирм подобные инструкции получила и производственная компания «Зингер». Несмотря на мое ходатайство и полученную отсрочку в шестьдесят дней, в конце концов американской фирме пришлось подчиниться этому указу. Был объявлен официальный бойкот всем христианам, не только в Малой Азии, но и в Константинополе. Но этот бойкот не дискриминировал евреев, которые всегда были более приемлемы для турок, чем христиане. Чиновники очень рекомендовали еврейским торговцам прикреплять на свои двери таблички, на которых были бы написаны национальность и род занятий, например «Авраам, еврей, портной», «Исаак, еврей, башмачник» и т. д. Я рассматривал этот бойкот как очередное проявление хаоса в национальных отношениях в Турции, потому что перед нами была нация, объявившая торговый бойкот собственным субъектам.

Вполне понятно, что подобные мероприятия против греков вызвали мое негодование. В то же время я совершенно не подозревал, что провоцировали эти ссылки именно немцы, тогда я считал их вспышками турецкой жестокости и шовинизма. К тому времени я уже очень

хорошо знал Талаата, видел его почти каждый день, и каждый поворот в международных отношениях он обычно обсуждал со мной. Я решительно протестовал против подобного обращения с греками. Я говорил, что это произведет самое худшее впечатление за границей и нанесет вред американским интересам. Талаат объяснил свою национальную политику: различные этнические группы в Турецкой империи всегда устраивали заговоры против Турции. По причине враждебности этих жителей Турция лишилась одной провинции за другой – Греции, Сербии, Румынии, Болгарии, Боснии, Герцеговины, Египта и Триполи. Таким образом, территория Турции уменьшилась почти до предела. Если оставшаяся часть Турции хочет выжить, добавил Талаат, то необходимо избавиться от всех этих чужеземцев. «Турция – для турок» – такова была главная мысль Талаата, поэтому он и предложил «тюрки– зировать» Смирну и прилегающие острова. Почти 40 тысяч греков были высланы, и снова он просил меня побудить американские фирмы нанимать только турок. Он сказал, что количество случаев насилия и убийств значительно увеличилось, и предположил, что необходимо послать комиссию для расследования. «Они хотят, чтобы комиссия реабилитировала Турцию», – сказал мне Луи Маллет, британский посол. И действительно, согласно рапорту этой комиссии Турция была оправдана.

У греков в Турции было одно большое преимущество перед армянами – это греческое правительство, которое было, естественно, заинтересовано в защите своего народа. Турки знали, что эти высылки ускорят войну с Грецией; более того, они приветствовали такую войну и готовились к ней. Турецкий народ был исполнен такого энтузиазма, что правительству удалось собрать деньги посредством общественных взносов и приобрести бразильский дредноут, позже броненосцы подобного типа стали строиться в Англии. Кроме того, правительство заказало второй дредноут в Англии и несколько подводных лодок и эскадренных миноносцев во Франции. Цель этих морских приготовлений в Константинополе не скрывалась. Получив эти корабли или даже всего один дредноут, строительство которого близилось к завершению, Турция намеревалась напасть на Грецию и вернуть острова. Один-единственный военный корабль, вроде «Султана Османа», название данное турками бразильскому кораблю, легко бы подавил весь греческий военно-морской флот и позволил бы взять под контроль все Эгейское море. Когда через несколько месяцев это судно будет закончено и готово к плаванию, нам всем нужно будет ожидать начала греко-турецкой войны. Что мог противопоставить греческий военно-морской флот надвигающейся угрозе?

Именно такой была ситуация, когда в начале июня ко мне заглянул самый активный мой посетитель. Это был Джемаль – паша, турецкий министр военно-морского флота и один из трех правящих лидеров Турецкой империи. Едва ли мне когда-либо доводилось видеть столь взволнованного человека, чем представший передо мной тогда Джемаль. Рядом со мной был переводчик. Когда Джемаль стал возбужденно говорить по-французски, его бакенбарды подрагивали, выдавая чувства, он яростно жестикулировал. Казалось, Джемаль был вне себя. Я достаточно хорошо знал французский, чтобы понять, что он говорил. Принесенные им новости, тогда я впервые услышал об этом, объясняли причины его волнения. Американское правительство, по его словам, вело переговоры с Грецией о продаже двух военных кораблей: «Айдахо» и «Миссисипи». Он утверждал, что я должен немедленно начать действовать и помешать этой продаже. Он умолял меня вмешаться. «С самого начала, – говорил он, – турки считали Соединенные Штаты своим лучшим другом; я очень часто выражал желание помочь им, что ж, вот появился шанс показать свое хорошее отношение. Тот факт, что Греция и Турция были на грани войны, – продолжал Джемаль, – делал продажу кораблей вовсе не нейтральным действием. И даже если сделка была чисто коммерческой, Турция все же просила бы не делать этого. Мы заплатим больше, чем греки», – добавил он. Все закончилось мольбой немедленно телеграфировать моему правительству по этому поводу, что я пообещал сделать.

Очевидно, умные греки решили бить противника его же оружием. Турция после получения дредноутов слишком нагло заявляла о своем намерении атаковать Грецию. Оба корабля, о

которых сейчас вели переговоры греки, были вполне готовы к военным действиям! «Айдахо» и «Миссисипи» были не нужны американскому военно-морскому флоту. Они уже не могли находиться на передовой, однако были еще достаточно сильны, чтобы увести турецкий флот из Эгейского моря. Видимо, Греция не собиралась вежливо откладывать надвигающуюся войну до той поры, когда будут готовы турецкие дредноуты. Нет, она собиралась атаковать в тот самый момент, как только получит американские корабли. Конечно же точка зрения Джемалю не была обоснованна. Какой бы большой ни была угроза надвигающейся войны, Турция и Греция все еще находились в мире друг с другом. И понятно, что у Греции есть столько же прав покупать военные корабли в Соединенных Штатах, сколько у Турции – приобретать их у Бразилии или Англии. Но Джемаль был не единственным государственным деятелем, который пытался предотвратить продажу. Немецкий посол проявил схожие намерения. Спустя несколько дней после визита Джемалю Вангенхайм и я ехали верхом по холмам к северу от Константинополя. Вангенхайм заговорил о греках, к которым он испытывал сильную антипатию, об их шансах на войне и о предполагаемой продаже американских военных кораблей. Он долго говорил о возможной сделке, его рассуждения были точно такими же, как у Джемалю, и этот факт вызвал у меня подозрение, что это он дал указания Джемалю поговорить со мной.

– Только посмотрите, какой опасный прецедент вы создаете, – говорил Вангенхайм. – Вполне вероятно, что когда-нибудь США окажутся в такой же ситуации, как сегодняшняя Турция. Предположим, что вы находитесь на грани войны с Японией, а Англия может продать Японии флот дредноутов. Понравится ли такое Соединенным Штатам?

Затем он произнес фразу, продемонстрировавшую истинную причину его протеста. За последние три года я много раз думал об этом. И эта сцена навсегда запечатлелась в моей памяти. Вот мы сидим на лошадях; тихий древний Белградский лес раскинулся вокруг, а вдалеке на вечернем солнце поблескивает Черное море. Внезапно Вангенхайм замолчал и стал чрезвычайно серьезным. Он взглянул мне в глаза и сказал:

– Я полагаю, что Соединенные Штаты не понимают всей серьезности происходящего. Продажа этих кораблей может стать причиной, по которой начнется европейская война.

Этот разговор произошел 13 июня, примерно за шесть недель до того, как начались военные действия. Вангенхайм прекрасно знал, что Германия энергично готовится к войне, и, кроме того, знал также, что эти приготовления еще не были полностью завершены. Как и все немецкие послы, Вангенхайм получил инструкции не позволить разгореться кризису, который ускорит войну, пока не будут полностью завершены все приготовления. Он не возражал против высылки греков, поскольку в этом заключалась часть всех этих приготовлений. Однако его тревожила перспектива того, что греки могут вооружиться и изменить ситуацию на Балканах. В тот момент Балканы походили на дремлющий вулкан; Европа прошла через две Балканские войны, не принимая в них участия, но Вангенхайм понимал, что еще одна война может охватить весь континент. Он знал, что война приближается, но не желал, чтобы она началась сейчас. Он всего лишь пытался повлиять на меня, чтобы я выиграл немного времени для Германии.

Он зашел так далеко, что попросил меня телеграфировать лично президенту, объяснить серьезность ситуации и обратить его внимание на телеграммы, отправленные в Государственный департамент, касающиеся предполагаемой продажи кораблей. Я посчитал его предложение наглым и отказался действовать таким образом.

Я предложил Джемалю и другим турецким чиновникам, которые продолжали давить на меня, чтобы их посол в Вашингтоне лично обсудил этот вопрос с президентом. Они последовали этому совету, но греки вновь оказались проворнее. В два часа 22 июня греческий поверенный в Вашингтоне и командир греческого корабля Тсоуклас обратились к президенту и осуществили сделку. После того как они покинули офис президента, вошел турецкий посол – опоздав всего лишь на пятнадцать минут!

Я предполагаю, что мистер Вильсон дал согласие на продажу, потому что знал, что Турция готовилась атаковать Грецию, и надеялся, что «Айдахо» и «Миссисипи» предотвратят нападения и таким образом сохранят мир на Балканах.

Действуя с согласия конгресса, 8 июля 1914 года администрация продала эти корабли Фреду Дж. Гаунтлетту за 12 535 276 098 долларов. Конгресс немедленно проголосовал вложить полученные деньги в создание нового современного дредноута «Калифорния». Мистер Гаунтлетт тут же передал корабли греческому правительству. Переименованные в «Килкис» и «Лемнос», эти корабли заняли свои места среди греческих военных кораблей. Энтузиазм греков, получивших эти корабли, был безмерен.

К этому времени мы переехали из посольства в летний домик на Босфоре. Все посольства в летнее время располагались там. Никогда я не видел более красивого места. Наш дом был трехэтажным и построен в венецианском стиле; за ним круто поднимался холм, на котором один над другим располагались несколько террасированных садов. Здание находилось в непосредственной близости от берега, и волны на Босфоре катились мимо так быстро, что, сидя на террасе, в особенности при свете луны, мы ощущали себя сидящими на палубе быстроходного корабля. Днем Босфор, в том месте шириной чуть более полутора километров, расцветивался цветовым разнообразием проходящих суденышек. Перед моими глазами часто с особой яркостью всплывает эта красочная картина, потому что я прекрасно помню, чем стал Босфор спустя несколько месяцев, когда после вступления Турции в войну пролив был закрыт. Наличие огромных российских пароходов, день за днем следовавших из портов Черного моря в Смирну, Александрию и в другие порты, указывало на огромную важность этой узкой полоски воды. Становилось понятно, почему европейские державы вели кровавый, растянувшийся более чем на тысячу лет спор за владение ею. Однако начало этих летних месяцев было мирным. Все послы, министры и их семьи собрались вместе. В тот момент все они казались друзьями. Они сидели за одним и тем же столом и прогуливались под руку по террасе. Посол одной страны любезно сопровождал на ужин жену посла другой страны, возможно одной из самых враждебных по отношению к его родине. После ужина все разбивались на небольшие группы, великий визирь устраивал импровизированный прием в одном углу, министры шептались в другом, группа послов обсуждала греческую ситуацию на веранде. Турецкие чиновники насмешливо наблюдали за этой сценой и, возможно, обменивались замечаниями на собственном языке, российский посол скользил по комнате, выбирал кого-нибудь, с кем ему хотелось поговорить, и заталкивал в угол для разговора тет-а-тет. В то же время, танцуя и флиртуя, наши сыновья и дочери, младшие члены дипломатических корпусов и офицеры нескольких стационаров, кажется, думали, что все происходящее было устроено лишь для их развлечения. А понимание того, что, пока все это происходит, ни великий визирь, ни кто бы то ни было из турецких чиновников не могли покинуть дом без сопровождающих и телохранителей, которые могли защитить их, – какие бы другие эмоции подобная напряженная атмосфера ни вызывала, – поддерживало интерес. Также было в этом что-то электризирующее; война всегда была любимой темой для разговора; кажется, все понимали, что эта мирная, легкомысленная жизнь была явлением временным и что в любой момент может появиться искра, которая станет причиной мирового пожара.

И все же, когда кризис наступил, мгновенной реакции не последовало. 29 июня мы услышали об убийстве австрийского эрцгерцога и его супруги. Все восприняли это известие спокойно, хотя и появилось ошеломляющее чувство, что случилось что-то важное. Спустя день или два после трагедии у меня состоялся длинный разговор с Талаатом по дипломатическим делам, и он даже не упомянул это событие. Сейчас я думаю, что у нас было что-то вроде эмоционального паралича – будучи ближе к центру событий, чем большинство людей, мы понимали опасность ситуации. Через день или два языки наши развязались, и мы стали говорить и говорить о войне. Когда я встретил фон Мутиуса, немецкого поверенного в делах, и Вайца,

дипломата-корреспондента из «Франкфуртер цайтунг», они также обсуждали грядущий конфликт. И снова они придали своему прогнозу чисто немецкий штрих: когда наступит война, говорили они, Соединенные Штаты, естественно, постараются извлечь из нее максимум, чтобы получить всю мексиканскую и южноамериканскую торговлю!

Когда я пришел к Паллавичини, чтобы выразить свое сочувствие к смерти эрцгерцога, он был высокомерно серьезен. Он прекрасно осознавал, что представляет королевскую семью, и казалось, что это горе было его личным. Можно было подумать, что он потерял собственного сына. Я выразил свое возмущение и сказал о чувстве отвращения, которое испытывает народ моей страны к этому деянию, после чего выразил наше сочувствие пожилому императору.

– Да, да, это все ужасно, – почти шепотом ответил он. – Сербия будет осуждена за свое поведение, – добавил он. – Она заплатит.

Спустя несколько дней, когда Паллавичини навестил меня, он говорил о националистических обществах, которые запретило правительство Сербии, и о намерении аннексировать Боснию и Герцеговину. Он сказал, что его правительство будет настаивать на запрете этих обществ и отказе от этих претензий и что, возможно, понадобятся карательные экспедиции в Сербию, чтобы предотвратить в дальнейшем акты насилия, подобные убийству эрцгерцога. Эти слова были первым указанием на ультиматум 22 июля.

Весь дипломатический корпус посетил заупокойную мессу по эрцгерцогу и его супруге, проходящую в церкви Святой Марии 4 июля. Церковь расположена недалеко от австрийского посольства, и чтобы спуститься к ней, нам нужно было преодолеть сорок ступеней. На вершине этой лестницы нас ждали представители австрийского посольства при полном параде с траурными лентами на левой руке. Они сопровождали нас на наши места. Все послы сидели на первой церковной скамье. Я вспоминаю с довольно странными ощущениями, потому что это был последний раз, когда мы сидели вместе. Служба была величественной и красивой; мои воспоминания о ней особенно ярки из-за контраста с последующими событиями. Когда строгие священники в роскошных облачениях закончили богослужение, мы все пожали руку австрийскому послу, сели в автомобили и отправились вдоль Босфора в американское посольство, находившееся в тринадцати километрах от австрийского, поскольку это был не только день, когда мы отдавали последние почести убитому наследнику средневековой автократии, но и 4 июля. Эти два события символизировали две национальные идеи. Я часто думаю о послах, спускавшихся вниз по каменным ступеням к церкви, чтобы отдать дань уважения эрцгерцогу, а затем отправлявшихся в американское посольство, чтобы отдать дань уважения Декларации независимости. Все корабли иностранных государств, находившиеся на реке, были украшены в честь национального праздника, послы и министры были со всеми регалиями. Из верхних садов мы могли видеть место, где проплывал Дарий, один из тех древних правителей, путь которых еще не совсем забыт, со своим войском 2500 лет назад. Также оттуда мы могли видеть Роберт-колледж, институт, посредством которого американцы «проникали» в Турецкую империю. Ночью наши сады освещались китайскими фонариками. Старые добрые американские фейерверки, освещавшие окружающие холмы и Босфор, и американский флаг, развевающийся перед домом, казалось, бросали вызов многочисленным напоминаниям на автократию и гнет, преследовавшим нас в первой половине дня. Расположенные не дальше полутора километров от нас темные и угрюмые азиатские холмы, в течение многих лет остававшиеся местом господства деспотизма, ловили слабый и, как я полагаю, пророческий блеск от всей этой иллюминации.

Глядя на группы послов в церкви и, потом, на нашем приеме, я с удивлением заметил, что не хватает одной знакомой фигуры. Не было друга Австрии Вангенхайма. В то время это меня озадачило, но потом я узнал о причине лично из его уст. За несколько дней до этого он выехал в Берлин. Кайзер вызвал его на собравшееся 5 июля совещание, на котором было решено втянуть Европу в войну.

Глава 4

Германия мобилизует турецкую армию

Читая августовские газеты, в которых описывалась проходившая в Европе мобилизация, я был поражен тем, как быстро гражданское население этого континента превращалось в военное. В то время Турция еще не вступила в войну, и ее лидеры громко заявляли о своем намерении сохранять твердый нейтралитет. Вопреки этим заявлениям о мире, жизнь в Константинополе военизировалась в не меньшей степени, чем в европейских столицах. Несмотря на то что сама Турция была настроена мирно, шла мобилизация армии. Это, как нам говорили, была мера предосторожности. И все же действия, что я наблюдал днем в Константинополе, походили на те, что тревожили города Европы. Военный патриотизм мужчин и терпение и жертвы женщин, возможно, когда-нибудь и придадут войне налет героизма, но вид у Турции в те годы был вял и жалок. День за днем разношерстная толпа народа шла по улицам. Арабы, босые, одетые в самую яркую свою одежду, с льняными сумками, в которых хранился необходимый на пять дней запас еды, через плечо, волоча ноги и приводя в замешательство своим видом, шли плечом к плечу с унылыми бедуинами, по-видимому внезапно вырванными из родной пустыни. Пестрая масса турок, черкесов, греков, курдов, армян и евреев, при взгляде на которых возникало ощущение, что их просто забрали с принадлежавших им ферм и магазинов, постоянно толкали друг друга. Большинство было одето в лохмотья, многие выглядели полуголодными; все в них выдавало безнадежность и покорность судьбе, от которой, и они это знали, им не убежать. Не было радости от приближающейся битвы, не было чувства, что они жертвуют собой ради великого дела. День за днем шли они, дети разорванной империи, делавшей последнюю отчаянную попытку собраться с духом, чтобы начать действовать.

Эти несчастные люди плохо понимали, что за сила выталкивала их из страны. Даже мы, представители дипломатического корпуса, не могли тогда разобраться в ситуации. Мы узнали позже, что сигнал к мобилизации исходил не от Энвера, Талаата или турецкого кабинета, а от берлинского Генерального штаба и его представителей в Константинополе. В действительности этой сложной операцией руководили Лиман фон Зандерс и Бронссарт. Во всем этом ясно просматривалось участие немцев. Как только немецкие армии перешли Рейн, началась работа по строительству гигантской радиостанции, расположенной в нескольких километрах от Константинополя. Все материалы были привезены из Германии через Румынию, и умелые механики, старательно работавшие от рассвета до заката, также, без сомнения, были немцами. Естественно, законы нейтралитета запрещали строительство радиостанции для воюющей стороны в такой нейтральной стране, как Турция. Однако было объявлено, что немецкая компания строила здание с антенной для турецкого правительства и на средства султана. Тем не менее эта версия никого не обманула. Свободно, спокойно и довольно часто немецкий посол Вангенхайм говорил об этой станции как о немецком предприятии.

– Вы уже видели нашу радиостанцию? – спрашивал он меня. – Давайте прокатимся верхом и взглянем на нее.

Он с гордостью говорил мне, что эта станция была самой мощной в мире – достаточно мощной, чтобы ловить все сообщения, отправленные с Эйфелевой башни в Париже! Он твердил, что это позволит ему находиться в постоянной связи с Берлином. Он прилагал так мало усилий, чтобы скрыть, что станция принадлежит Германии, что, когда несколько раз обычная телеграфная связь приостанавливалась, он предлагал мне воспользоваться этой станцией для отправки моих телеграмм.

Эта радиостанция была символом тайного, хоть и особо не скрываемого союза между Турцией и Берлином. На то, чтобы завершить строительство столь мощной станции, ушло

некоторое время, в течение которого Вангенхайм пользовался связью немецкого торгового судна «Корковадо», пришвартованного в Босфоре напротив немецкого посольства. Для практических целей у Вангенхайма была постоянная телефонная связь с Берлином.

Во время этой мобилизации немецкие офицеры были так же активны, как турки. Они безумно наслаждались происходящим; было видно, что это лучшее время их жизни. Бронссарт, Хуман и Лаффертс были постоянно рядом с Энвером, советовали и направляли. Каждый день немецкие офицеры носились по улицам на огромных автомобилях, конфискуя все подряд у гражданского населения. Ночью они наводняли рестораны и увеселительные заведения, поглощая шампанское в огромных количествах, которое также было изъято у населения. Особо эффектной и шумной фигурой был фон дер Гольц-паша. Он постоянно устраивал что-то вроде вице-королевского проезда по улицам в огромном быстром автомобиле, на обоих бортах которого были нарисованы яркие немецкие орлы. Водитель на переднем сиденье нажимал на клаксон, извлекая резкие пронзительные звуки, и горе тому, будь то турок или нетурок, кто попадется ему на пути!

Немцы даже не пытались скрыть, что считают себя хозяевами этого города. Точно так же, как Вангенхайм создал маленькую Вильгельмштрассе в своем посольстве, немецкие военные учредили маленькую версию берлинского Генерального штаба. Они даже привезли с собой из Германии своих жен и семьи. Я слышал, как баронесса Вангенхайм говорила, что у нее есть небольшой двор в немецком посольстве.

Однако немцы были единственными, кто наслаждался этим процессом. Сопровождающая мобилизацию конфискация была не чем иным, как грабежом гражданского населения. У турок забирали лошадей, мулов, верблюдов, овец, коров и другой скот, который смогли обнаружить. Энвер сказал мне, что они собрали 150 тысяч животных. Они делали это безрассудно, не задумываясь о продолжении рода. Во многих деревнях они оставляли двух коров или двух кобыл. Эта методика проведения конфискации привела к закономерному результату – уничтожению национального сельского хозяйства и голоду сотен тысяч людей. Но турки, как и немцы, считали, что война будет короткой и что раны, нанесенные этими конфискациями сельскому населению, быстро затянутся. Правительство также демонстрировало бесстыдство и недостаток ума, когда изымало товары у торговцев и продавцов магазинов. Эти действия очень походили на обычное воровство на большой дороге. Но среди упомянутых торговцев практически не было мусульман; большинство были христианами, хотя было и несколько евреев. Таким образом, турецкие офицеры не только снабжали всем необходимым свою армию и, между прочим, наживались на этом сами, но и наслаждались чувством религиозной мести, грабя учреждения, принадлежащие неверным. Они входили в розничный магазин, забирали практически все товары с полок, давая клочок бумажки в качестве расписки. Так как правительство не заплатило за изъятое у населения во время Итальянской и Балканской войн, то вряд ли торговцы ожидали, что получат хоть что-то за отобранные товары. Впоследствии тот, кто понимал чиновничество и был политически влиятельным, получил обратно около 70 процентов – что стало с оставшимися 30, не является секретом для того, кто имел опыт общения с турецкими бюрократами.

Для большинства населения конфискации означали финансовый крах. То, что все это было банальным грабежом, доказывают многочисленные предметы, изъятые якобы для нужд армии. Так, офицеры забрали весь мохер, который смогли найти; иногда они забирали даже женские шелковые чулки, корсеты и детские тапочки. Я даже слышал о случае, когда они пополнили турецкий военный склад икрой и другими деликатесами. Так, они требовали одеял у продавца, торговавшего женским нижним бельем. Поскольку их у него не было, офицеры забрали то, что было, а впоследствии он находил свой товар в магазине конкурента. Так турки поступали и во многих других случаях. Господствующая система заключалась в том, чтобы забирать движимое имущество везде, где это возможно, и превращать его в деньги. Куда в

конце концов отправлялись деньги, мне неизвестно, но не вызывает сомнений, что множество людей нажились на этом. Я говорил, что подобный способ мобилизации и конфискации уничтожал страну. Нужда и голод вскоре поразили ее. Из 4 миллионов взрослого мужского населения 1,5 миллиона в конце концов поступили на военную службу, таким образом, около миллиона семей осталось без кормильцев, все в состоянии крайней нужды. Турецкое правительство платило своим солдатам 25 центов в месяц, а их семьям – денежное пособие в размере 1,25 доллара в месяц. Результат не заставил себя долго ждать: тысячи людей умирали от недостатка еды; многие были ослаблены от плохого питания. Полагаю, что Турецкая империя после начала войны лишилась примерно четверти населения. Я спросил Энвера, почему он позволял уничтожать свой народ таким образом. Эти страдания не произвели на него ни малейшего впечатления. Он был поражен тем, как практически без денег удалось создать столь большую армию, что, как он хвастался, не удавалось сделать ни одной другой нации. С целью добиться этого Энвер издал приказ, согласно которому уклонение от военной службы считалось дезертирством и каралось смертной казнью. Также он принял проект, по которому любой житель Османской империи мог быть освобожден от военной службы, заплатив около 190 долларов. Свои достижения Энвер считал выдающимися. Это был первый случай, когда он почувствовал вкус неограниченной власти и наслаждался этим.

То, что Германия руководила мобилизацией, не предположение, а доказанный факт. Мне достаточно лишь упомянуть, что немцы конфисковали материалы от собственного имени для собственных нужд. У меня есть фотографическая копия документа, подтверждающая конфискацию партии жмыха с судна, проведенную немецким военным атташе Хуманом. Документ датирован 29 сентября 1914 года. «Все с парохода «Дериндже», что вы упомянули в своем письме от 26-го числа, – написано в этой бумаге, – изъято мной для нужд немецкого правительства». Это ясно показывает, что за месяц до вступления Турции в войну Германия осуществляла в Константинополе верховную власть.

Глава 5

Вангенхайм незаконно проводит «Гебен» и «Бреслау» через Дарданеллы

10 августа я отправился на маленьком катере встречать «Сицилию», маленький итальянский корабль, прибывший из Венеции. Меня особенно интересовало это судно в связи с тем, что на нем прибывали в Константинополь мои зять и дочь, мистер и миссис Морис Вертхейм, а также три их маленькие дочки. Встреча оказалась даже интереснее, чем я предполагал. Пассажиры были в более чем возбужденном состоянии, поскольку за день до этого они стали свидетелями морского боя в Ионическом море.

«Мы завтракали вчера на палубе, – рассказывала мне моя дочь, – когда я заметила на горизонте два довольно странных на вид судна. Я бросилась за очками. Это оказались два огромных корабля. У одного были две странные башни, второй же выглядел как обычный военный корабль. Мы присмотрелись и увидели еще один корабль, появившийся позади них. Он двигался очень быстро. Он подходил все ближе и ближе, и вдруг мы услышали оружейные выстрелы. В воздух поднялись водяные столбы и белый дым. У меня ушло некоторое время на то, чтобы понять, что происходит. И внезапно я осознала, что мы стали свидетелями боя. Корабли ни секунды не стояли на месте. Два больших развернулись и нацелились на маленький, затем, очевидно, они передумали и повернули назад. Затем маленький повернулся и спокойно направился в нашу сторону. Вначале меня это обеспокоило, но ничего не произошло. Он кружил вокруг нас, выплевывая из трубы клубы черного, как деготь, дыма. С него постоянно сигналили, задавая нашему капитану множество вопросов, затем корабль развернулся и в конце концов исчез. Капитан сообщил нам, что два больших корабля были немецкие, замеченные в Средиземном море и стремящиеся скрыться от британского флота. Он сказал, что британские корабли преследовали их по всему Средиземному морю и что эти немецкие корабли пытались попасть в Константинополь. Ты видел кого-нибудь из них? Как ты думаешь, где находится сейчас британский флот?»

Спустя несколько часов после этого я встретил Вангенхайма. Когда я сообщил ему о том, что видела миссис Вертхейм, он разволновался. Немедленно после завтрака он встретился в американском посольстве с Паллавичини, австрийским послом, и попросил о встрече с моей дочерью. Два посла торжественно разместились на стульях напротив миссис Вертхейм и в течение минуты мягко расспрашивали ее. «Я никогда не чувствовала себя столь важной», – позже сказала она мне. Они не позволили ей упустить ни малейшей детали; они хотели знать, сколько выстрелов было сделано; в каком направлении отправились немецкие корабли, что говорили люди на борту и т. д. Этот визит принес этим двум дружественным послам огромное облегчение и удовлетворение. Покидая дом, они чуть ли не ликовали, в общем, вели себя так, как будто с их плеч был снят огромный груз. И естественно, у них была хорошая причина находиться в приподнятом настроении.

Дарданеллы и Черное море

Моя дочь была для них добрым вестником, она рассказала им то, что они больше всего мечтали услышать: «Гебен» и «Бреслау» спаслись от британского флота и отправились в направлении Дарданелл. Поскольку именно эти два знаменитых немецких корабля «Гебен» и «Бреслау» сражались с британским разведывательным судном, свидетелем чему стала моя дочь!

На следующий день я по делам зашел в немецкое посольство. Но оживленное поведение Вангенхайма выдало его: он абсолютно не интересовался рутинными делами. Никогда раньше я не видел его таким возбужденным. Он не мог долго усидеть на одном месте; он постоянно вскакивал, подбегал к окну и с тревогой смотрел на Босфор, где примерно в километре от берега находилась его личная радиостанция на «Корковадо». Лицо его вспыхивало, а глаза горели. Он широким шагом передвигался по комнате, говорил о новой немецкой победе и вскользь о немецких планах на будущее, и затем он снова подходил к окну и смотрел на «Корковадо».

– Что-то серьезно отвлекает вас, – сказал я, поднимаясь. – Я пойду и вернусь позже.

– Нет, нет! – Посол почти кричал. – Я хочу, чтобы вы остались. Это будет великий день для Германии! Если вы останетесь еще на пару минут, вы услышите важнейшие новости – кое-что, что имеет непосредственное отношение к Турции и ее отношению к войне.

Затем он рванулся к портику и перегнулся через балюстраду. В тот же момент я увидел, как небольшой катер отходит от «Корковадо» в направлении посольской пристани. Вангенхайм поспешил вниз, выхватил конверт у одного из моряков и спустя мгновение вбежал в комнату.

– Мы их получили! – крикнул он мне.

– Получили что? – спросил я.

– «Гебен» и «Бреслау» прошли через Дарданеллы!

Он махал бумагой с энтузиазмом мальчишки, чья футбольная команда победила.

Затем, взяв себя в руки, подошел ко мне и торжественно, но не без определенной доли юмора покачал указательным пальцем и сказал:

– Конечно же вы понимаете, что мы продали эти корабли Турции! И адмирал Сушон, – подмигнув, добавил он, – поступил на службу султану.

У адмирала были более чем патриотические причины для ликования: прибытие этих кораблей было величайшим днем в его дипломатической карьере. Действительно, это была первая немецкая дипломатическая победа. В течение долгих лет мечтой Вангенхайма было канцлерство в империи. И сейчас он вел себя как человек, который уже видел свою награду. Путешествие «Гебена» и «Бреслау» было его личным триумфом, он вместе с турецким кабинетом устроил проход кораблей через Дарданеллы. При помощи радио он направлял их перемещения в Средиземном море. Доставив «Гебен» и «Бреслау» в Константинополь, Вангенхайм окончательно объявил Турцию другом Германии. Наконец-то спустя три года все его интриги и заговоры принесли успех.

Я не знаю, есть ли еще корабли, оказавшие большее влияние на историю, чем эти два немецких крейсера. Немногие из нас понимали тогда их огромную важность, но последующие события полностью объясняли ликование и удовлетворение Вангенхайма. «Гебен» был только что построенным военным кораблем, «Бреслау» хоть и не был большим, но, как и «Гебен», развивал большую скорость, что делало его просто незаменимым в этих водах. Эти корабли провели несколько месяцев до войны кружа по Средиземному морю. Когда же была объявлена война, экипажи кораблей пополняли запасы в Мессине. Я всегда считал странным совпадением, что два этих судна, скорость каждого из которых превышает скорость английских или французских кораблей в Средиземном море, к началу войны оказались неподалеку от Турции. Выбор «Гебена» был особенно удачным, поскольку команда этого судна дважды до этого бывала в Константинополе. Офицеры и люди с «Гебена» прекрасно знали Дарданеллы. Поведение экипажей обоих судов, узнавших об объявлении войны, свидетельствовало о том духе, с которым немецкий военный флот начинал военные действия: люди пели, кричали и подбрасывали своего адмирала. Среди людей царило истинно немецкое оживление. Говорят, что адмирал Сушон в качестве памятного сувенира сохранил свою белую форму с отпечатками пальцев моряков!

Вопреки всей радости от предвкушения битвы, ситуация с этими кораблями оставалась очень опасной. Они не могли тягаться с многочисленными британскими и французскими военно-морскими силами, которые базировались в Средиземном море. «Гебен» и «Бреслау» находились вдали от родных баз. Проблема угля стояла очень остро, а Англия занимала все ключевые позиции, где же тогда они могли найти безопасное место? Несколько итальянских истребителей кружило над немецкими кораблями в Мессине, тем самым демонстративно декларируя свой нейтралитет и периодически напоминая о том, что те могут оставаться в порту лишь в течение двадцати четырех часов. Часть английских кораблей располагалась в проливе Отранто, в Адриатике, и могли в любой момент отрезать их, если те попытаются добраться до австрийского порта Пола. Кроме того, британский морской флот охранял Гибралтар и Суэц, другие два возможных выхода, дававшие им возможность спасения. Было еще лишь одно место, где «Гебен» и «Бреслау» могли найти безопасность и дружелюбное отношение. Это Константинополь. Очевидно, руководство британского военно-морского флота гнало от себя эту мысль, считая подобное невозможным. В то же время, в начале августа, международный закон частично еще являлся руководством к поведению наций. Турция еще была нейтральной страной, и, вопреки многим свидетельствам немецкого влияния, казалось, что она желает сохранить этот самый нейтралитет. В Парижском договоре, подписанном в 1856 году, как и в Лондонской конвенции 1871 года, был пункт, согласно которому военные корабли не должны использовать Дарданеллы без разрешения султана, которое можно было получить лишь в мирное время. В действительности же правительство очень редко давало подобное разрешение, и

то лишь для официальных мероприятий. В существующих обстоятельствах нарушение султаном запрета на нахождение военных кораблей в Дарданеллах посчитали бы враждебным действием, а разрешение «Гебену» и «Бреслау» оставаться в турецких водах больше чем на двадцать четыре часа было бы равносильно объявлению войны. Совершенно ясно, что в начале августа 1914 года, когда Германия еще не объявила, что «международный закон прекращает свое действие», Британия рассматривала эти условия в договорах как запрет немецким кораблям находиться в Дарданеллах и Константинополе. Полагаясь на безгрешность международных правил, британский морской флот закрыл все пункты, через которые немецкие корабли могли спастись, за исключением прохода через Дарданеллы. Если бы Англия, немедленно по объявлении войны, отправила в этот жизненно важный пункт сильную эскадру, как бы изменилась тогда история последующих трех лет!

«Его величество полагает, что «Гебен» и «Бреслау» успешно прорвутся!» Таким было радиосообщение, поступившее на эти суда в Мессине в пять часов вечера 4 августа. Почти истекли двадцать четыре часа, разрешенные итальянским правительством. В проливе Отранто находились британские военно-морские силы, отправлявшие немцам ложные радиосигналы, согласно которым те должны были следовать к Поле. Играла музыка, и развевались флаги. Офицеры и экипажи, ободренные ораторами и спиртным, повели свои корабли прямо в руки ожидавшего их британского флота. Маленький «Глостер», разведывательный корабль, постоянно находился на связи и постоянно телеграфировал главной эскадре о передвижениях немцев.

Внезапно, за мысом Спартивенто, «Гебен» и «Бреслау» стали подавать в радиоэфир шумовые сигналы, создавая таким образом радиопомехи, мешавшие «Глостеру» отправить понятные сообщения. Затем немецкие крейсера повернули на юг и отправились в Эгейское море. Смелый маленький «Глостер» шел по пятам и даже, чему и стала свидетельницей моя дочь, дерзко вступил с ними в бой. За ними гналась британская эскадра, отставая на несколько часов, но безуспешно, поскольку два немецких корабля хоть и были слабы в сравнении с ней, но в то же время гораздо быстрее. Возможно, даже и тогда британский адмирал полагал, что нарушил немецкие планы. Немецкие корабли в первую очередь должны были добраться до Дарданелл, но там путь им блокировало международное соглашение, запрещавшее проход.

В то же время Вангенхайм добился большого дипломатического успеха. С радиостанции на «Корковадо», находившегося в Босфоре, он отправлял самые благоприятные сообщения адмиралу Сушону. Он просил его по достижении пролива поднять турецкий флаг, поскольку корабли адмирала Сушона словно по мановению волшебной палочки становились частью турецких военно-морских сил, почему обычный международный закон на них не распространялся. Это больше не были «Гебен» и «Бреслау», поскольку Вангенхайм, как восточный волшебник, превратил их в «Султана Селима» и «Медилли». Дело было в том, что немецкий посол, чтобы повернуть «делку», хитро использовал преимущества создавшейся ситуации. Как я уже говорил, к началу войны Турция строила два дредноута в Англии. Эти корабли не создавались по правительственной программе, но их покупка являлась не чем иным, как демонстрацией энтузиазма турецкого народа. Эти военные суда должны были стать средствами, при помощи которых Турция хотела напасть на Грецию и получить обратно острова в Эгейском море. Турецкий народ собрал деньги на их строительство путем так называемых общественных взносов. Агенты ходили из дома в дом, получая от населения небольшие суммы денег. Проводились приемы и ярмарки. Женщины продавали волосы, чтобы принести деньги в общий фонд. Эти два корабля являлись причиной патриотического подъема, столь необычного для Турции, притом настолько необычного, что многие полагали, что правительство стимулировало этот самый подъем. В тот самый момент, когда началась война, Турция вносила последний платеж английским верфям, а турецкие экипажи прибыли в Англию, готовые к тому, чтобы доставить корабли домой. Но затем, за несколько дней до планируемой даты

отплытия, на сцене появилось британское правительство и конфисковало дредноуты для нужд британского военно– морского флота.

Не возникало ни малейшего сомнения, что у Англии было не только законное, но и моральное право так поступить. Также не возникало сомнений в том, что ее действия были абсолютно правильными. Имей она дело с какой-нибудь другой страной, это не вызвало бы ни малейшего возмущения. Но турецкий народ это не волновало. Все, что их заботило, так это то, что у них было два корабля, для приобретения которых они использовали все возможные источники, и что в последний момент на сцене появилась Англия и забрала эти военные суда. Это происшествие буквально дало Вангенхайму возможность его дальнейшего существования. В турецкой прессе начались нападки на Англию, все они исходили из немецкого посольства. Вангенхайм постоянно говорил с турецкими лидерами об английской измене. Он сказал, что Германия, добрый друг Турции, была готова компенсировать «незаконную» конфискацию, произведенную Англией. Он предложил Турции «приобрести» «Гебен» и «Бреслау», которые блуждали по Средиземному морю, возможно, в предчувствии этой самой случайности, и включить эти корабли в турецкий военно– морской флот взамен присвоенных Англией. В тот самый день, когда эти корабли прошли через Дарданеллы, «Икдам», выходящая в Константинополе турецкая газета, вышла с триумфальным заголовком «Огромный успех имперского правительства».

Таким образом, маневр Вангенхайма преследовал две цели: во-первых, население Турции должно было признать Германию другом своей родины, а во-вторых, это была уловка для того, чтобы провести корабли через Дарданеллы и дать им право остаться в турецких водах. Все это могло обмануть лишь несведущих турок. Также это дало кабинету благовидный предлог отвечать на возражения дипломатов из Антанты, но умных людей все эти действия не обманули. Можно было изменить названия «Гебена» и «Бреслау», немецкие моряки могли носить турецкие фески, но все мы с самого начала понимали: вся эта сделка была одним сплошным обманом. Те, кто знал, каким на самом деле было финансовое положение Турции, могли лишь удивляться тому, что она смогла приобрести эти современные суда. Более того, эти корабли так и не были никогда включены в турецкий военно-морской флот. Наоборот, произошло присоединение турецкого военно– морского флота к этим немецким кораблям. Горсть турецких офицеров была отправлена на их борта лишь для создания видимости – немецкие офицеры и экипажи все так же осуществляли контроль на кораблях. В своих разговорах со мной Вангенхайм даже не пытался держать в секрете тот факт, что эти корабли принадлежали Германии. «Никогда не думал, что буду подписывать чеки на такие большие суммы», – заметил он однажды, имея в виду расходы на «Гебен» и «Бреслау». Он всегда говорил о них как о «наших» кораблях. Даже Талаат говорил мне, что эти корабли не принадлежали Турции.

– Немцы говорят, что они принадлежат туркам, – заметил он с усмешкой. – Во всяком случае, нам очень удобно, что они находятся здесь. После войны, если немцы выиграют, они забудут об этом и оставят корабли нам. Если же Германия проиграет, то не сможет отнять их у нас!

Немецкое правительство никогда и не утверждало, что сделка была *bona fide*³. По крайней мере, когда греческий министр в Берлине выступил с протестом против сделки, назвав ее недружественным в отношении Греции действием, – забывая об американских кораблях, которые Греция приобрела у Соединенных Штатов, – немецкие чиновники успокоили его, тихо заметив, что корабли все еще принадлежат Германии. И в то же время, когда послы Антанты заявили протест против присутствия немецких кораблей, турецкие чиновники очень вежливо заявили, что эти военные суда были частью турецкого военно-морского флота!

---

³ Настоящий, подлинный (*лат.*).

Немецкие офицеры и члены экипажа откровенно посмеивались над этим маскарадом, выдававшим «Гебен» и «Бреслау» за турецкие корабли. Их приводили в восторг турецкие фески – убедительное доказательство того, что эти преданные моряки кайзера теперь были частью военно-морского флота султана. Однажды «Гебен», проплывая по Босфору, остановился напротив русского посольства и бросил там якорь. Затем офицеры и экипаж выстроились на палубе на виду у вражеского посольства. Моряки торжественно сняли турецкие фески и надели немецкие кепки. Оркестр заиграл «Песню о Германии», «Дозор на Рейне» и другие немецкие военные песни, немецкие же моряки громко пели. Более часа они распевали под окнами российского посольства, затем офицеры и экипаж сняли немецкие кепки и вновь надели турецкие фески. Экипаж «Гебена» поднял якорь и отправился на юг на свою базу. Крейсер ушел вниз по течению, оставляя российских дипломатов приходить в себя после грохочущих немецких военных песен.

Я часто размышлял о том, как бы все сложилось, если бы английские крейсеры, преследовавшие «Бреслау» и «Гебен» до Дарданелл, повели бы себя иначе и нарушили международные законы. Предположим, что они вошли в пролив, атаковали немецкие корабли в Мраморном море и потопили их. Они могли сделать это. Зная то, что мы знаем сейчас, это действие нашли бы оправданным. Вероятно, уничтожение кораблей не позволило бы Турции вступить в войну, поскольку после прибытия этих кораблей присоединение турецких военных сил к немецким стало неизбежным. С этими кораблями турецкий флот стал сильнее, чем российский флот на Черном море. И таким образом, стало абсолютно ясно, что Россия не сможет напасть на Константинополь. Следовательно, «Гебен» и «Бреслау» на практике дали военным силам Германии и Османской империи полную власть над Черным морем. Более того, эти два корабля были хозяевами в Константинополе. То есть они являлись теми самыми средствами, при помощи которых Германия, в случае необходимости, могла терроризировать турок. Я убежден, что, осмыслив эту войну и ее последствия, здравомыслящий историк скажет, что после прохода немецких кораблей через турецкие проливы, присоединение Турции к Германии, когда это понадобится немцам, было неизбежно. Таким образом, гибель Турецкой империи была предрешена. В турецком кабинете были люди, которые уже тогда понимали это. В Константинополе говорили, хотя я не ручаюсь за правдивость этой истории, что заседание кабинета, во время которого было принято это важное решение, прошло не совсем гладко. Говорили, что великий визирь и Джемаль протестовали против «фиктивной» продажи и требовали, чтобы ее не доводили до конца. Когда атмосфера во время дискуссии накалилась до предела, Энвер, танцевавший под немецкую дудочку, объявил, что практически завершил сделку. Во время последовавшего за этим решением молчания этот молодой Наполеон вытащил свой пистолет и положил его на стол.

– Если кто-то хочет обсудить эту покупку, – сказал он тихо и холодно, – я готов встретиться с ним.

Спустя несколько недель после того, как главный штаб «Гебена» и «Бреслау» перебазировался на Босфор, Джавид-бей, министр финансов, встретил известного бельгийского юриста, тогда находившегося в Константинополе.

– У меня для вас ужасные новости, – сказал турецкий государственный деятель голосом полным сочувствия. – Немцы захватили Брюссель.

Огромный бельгиец, чей рост был больше метра восьмидесяти, положил руку на плечо маленького турка.

– У меня для вас гораздо более жуткие новости, – ответил он, указывая на залив, где стояли пришвартовавшиеся «Гебен» и «Бреслау». – Немцы захватили Турцию.

Глава 6

Вангенхайм рассказывает американскому послу о том, как кайзер начал войну

Но в одном месте эта сделка явно не была причиной для печали. Этим местом было немецкое посольство. Столь великий «успех» опьянил впечатлительного Вангенхайма, а другие события превратили его *furor Teutonicus*⁴ в настоящее жаркое пламя. «Гебен» и «Бреслау» прибыли почти в то же время, когда немцы захватили Льеж, Намюр и другие бельгийские города. А теперь немцы шествовали по Франции и с триумфом приближались к Парижу. Все эти события являлись для воинственного пруссака, каким и был Вангенхайм, воплощением его сорокалетней мечты. Мы все еще проживали в летних посольствах, расположенных вдоль Босфора. Около немецкого посольства был великолепный парк, который султан лично подарил правительству кайзера. Однако казалось, что по какой-то причине Вангенхайму не нравилось его летнее жилище. Напротив его посольства, в шести метрах от бушующего Босфора находился небольшой сторожевой домик, напротив которого стояла небольшая каменная скамья. Вообще-то эта скамья была местом отдыха охраны, однако казалось, она очень нравится Вангенхайму. Я всегда буду помнить, как этот немецкий дипломат, в те волнующие дни перед сражением на Марне, сидел на маленькой скамеечке, часто вскакивал и шагал взад и вперед перед домом. Каждый, кто двигался из Константинополя к северным окраинам, должен был пройти по этой дороге. Часто мимо проходили российские и французские дипломаты, естественно игнорируя торжествующую фигуру посла на каменной скамье. Иногда я думаю, что Вангенхайм сидел там с единственной целью – пускать сигаретный дым в их направлении. Все это напоминало мне сцену из шиллеровского «Вильгельма Телля», где Телль с луком и стрелами сидит в засаде на горной тропе и ждет свою жертву – Гесслера:

По этому ущелью он поедет;
Другого в Кюснахт нет пути...⁵

В разговорах со своими друзьями или с теми, кого он считал своими друзьями, Вангенхайм откровенно упивался немецкими победами. Я заметил, что он сидел там, только когда немецкая армия побеждала. Если становилось известно обратное, то Вангенхайм превращался в невидимку. Это натолкнуло меня на мысль напомнить ему об игрушечном предсказателе погоды, который всегда выскакивал из коробочки, когда погода была хорошей, и прятался внутрь, когда сгущались тучи. Вангенхайм оценил мою шутку, так же как и остальные дипломаты.

Однако в те дни погода для немецкого посла была прекрасной. Успех немецкой армии вызывал у него такое волнение, что порой он забывал об осторожности. Однажды это привело к тому, что он рассказал мне об определенных фактах, которые, как я полагаю, всегда будут иметь большую историческую ценность. Он рассказал мне, как и когда Германия ускорила начало войны. Сегодня его откровенность кажется чрезвычайно неосторожным поступком, но мы не должны забывать о ходе мыслей Вангенхайма в то время.

Тогда весь мир думал, что Париж обречен, и это находило свое отражение в частых заявлениях Вангенхайма, что война должна закончиться через два-три месяца. Очевидно, что вся эта большая немецкая затея шла по плану.

---

⁴ Ярость тевтонцев (*лат.*).

⁵ Перевод Н. Славятинского.

Я уже говорил, что немецкий посол покинул Берлин вскоре после убийства эрцгерцога, и сейчас он открыл мне причину своего внезапного исчезновения. Он сказал мне, что кайзер призвал его в Берлин для участия в заседании. Эта встреча произошла 5 июля в Потсдаме. Председательствовал кайзер, присутствовали почти все важные послы. Самого Вангенхайма вызвали, чтобы он успокоил их в отношении ситуации в Турции и просветил своих товарищей о положении дел в Константинополе, который считался практически центром предстоящей войны. Рассказывая мне о присутствовавших на совещании, Вангенхайм не называл имен, хотя он специально сказал, что среди них были – факт столь важен, что я точно привожу здесь его слова, – «die Haupter des Generalstabs und der Marine» (главы Генерального штаба и военно-морского флота). Я полагаю, что он имел в виду фон Мольтке и фон Тирпица. Также присутствовали банкиры, директора железных дорог и высшие лица немецкой промышленности – для подготовки Германии к войне все они имели такое же значение, как и сама армия.

Вангенхайм сказал мне, что кайзер поставил перед всеми только один вопрос: «Готовы ли вы к войне?» Ответили «да» все, кроме финансистов. Они сказали, что им нужно две недели, чтобы продать иностранные ценные бумаги и сделать займы. В то время мало кто рассматривал трагедию в Сараеве как что-то, что обязательно приведет к войне. На этом совещании, по словам Вангенхайма, были приняты все возможные меры, чтобы подобных подозрений не возникло. Было решено дать банкирам необходимое время, чтобы они могли закончить все дела и подготовиться к предстоящей войне. После этого несколько участников спокойно вернулись к своей работе или отправились в отпуск. Кайзер на яхте отплыл в Норвегию, фон Бетман-Гольвег отправился отдыхать, а Вангенхайм вернулся в Константинополь.

Рассказывая мне о совещании, Вангенхайм конечно же признал, что Германия ускорила войну. Я полагаю, что он даже гордился этим представлением, гордился тем, что Германия взялась за это дело, методично и тщательно продумывая каждый следующий шаг и в то же время не забывая смотреть в будущее. Но особенно он гордился тем, что его пригласили принять участие в столь эпохальном совещании. Я часто спрашиваю себя, почему он открыл мне такой важный секрет. И прихожу к выводу, что настоящей причиной было чрезмерное тщеславие – желание показать мне, что он был без пяти минут советником своего императора, а также продемонстрировать свою роль в организации этого конфликта. Каким бы ни был мотив, эта неосторожность показала мне, насколько на самом деле в этом жутком преступлении были виновны партии. Несколько голубых, красных и желтых книг, наводнивших Европу в течение нескольких месяцев после начала боевых действий, и сотни документов, изданных немецкими пропагандистами с целью подтвердить немецкую же невиновность, не производили на меня ни малейшего впечатления. Поскольку мои выводы основываются не на подозрениях, вере или обстоятельном изучении фактов, у меня нет оснований и доказательств. Я просто знаю, что 5 июля 1914 года в Потсдаме кайзером и его приспешниками был осуществлен заговор, ставший причиной одной из величайших трагедий человечества. Один из главных участников, светившийся триумфом от успешно приведенного в жизнь плана, лично рассказал мне все детали. Слушая людей, спорящих об ответственности за эту войну, или читая неуклюжие, полные лжи оправдания Германии, я вспоминал огромную фигуру Вангенхайма. Я вспоминаю его таким, каким он предстал передо мной в тот августовский вечер. Он покурил большую черную сигару и в деталях описывал мне подробности той исторической встречи. Зачем терять время и еще раз обсуждать все это?

Это совещание было проведено 5 июля, а ультиматум Сербии был предъявлен 22-го. Это и был тот почти двухнедельный интервал, который просили банкиры, чтобы завершить свои дела. Глядя на все операции, проведенные ими на фондовых биржах мира, можно понять, что банкиры с пользой использовали это время. Из их записей становится понятно, что ценные бумаги продавались быстро, а цены падали с такой же скоростью. В этот момент рынки пребывали в тупике, но разъяснения Вангенхайма прояснили все сомнения, которые могли еще

оставаться. Германия обменивала ценные бумаги на наличные деньги для военных целей. Если кто-нибудь хочет проверить правдивость слов Вангенхайма, я могу предложить ему изучить записи фондовых бирж Нью-Йорка за эти две недели. Там он обнаружит резкое падение цен, в особенности на ценные бумаги международного рынка. За время с 5 по 22 июля цены на акции «Юнион пасифик» упали со 155 до 127 долларов, на акции железных дорог «Балтимор–Огайо» – с 91,5 до 81 доллара, сталь Соединенных Штатов – с 61 до 50 долларов, «Канадиан пасифик» – со 194 до 185 долларов, а «Нозерн пасифик» – со 111 ³/₈ до 108 долларов. Тогда сторонники политики протекционизма обвиняли в резком падении цен тарифный закон Андервуда – Симмонса, а критики администрации считали виноватым закон «О федеральной резервной системе», который тогда еще не вступил в силу. Не понимали брокеры и финансовые эксперты на Уолл-стрит, что настоящей силой, угнетавшей рынок, стало совещание, проведенное в Потсдаме под председательством кайзера!

Я был не единственным человеком, которому Вангенхайм в подробностях рассказал о Потсдамской конференции. Вангенхайм открыл этот секрет и маркизу Гаррони, итальянскому послу в Константинополе. В то время Италия формально была другом Германии.

Австрийский посол, маркиз Паллавичини, также практически признался мне, что державы оси предвидели войну. 18 августа, в день рождения Франца-Иосифа, я нанес обычный посольский визит, чтобы принести свои поздравления. Вполне естественно, что во время беседы мы заговорили об императоре, который в тот день перешагнул 84-летний рубеж. Паллавичини говорил о нем с гордостью и почтением. Он рассказал мне о живом уме и ясной голове пожилого императора, о том, как хорошо правитель понимал международную ситуацию и как лично за всем наблюдал. Чтобы проиллюстрировать понимание международной ситуации австрийским кайзером, Паллавичини привел в пример эту войну. В прошлом мае Паллавичини был на аудиенции у Франца-Иосифа в Вене. Он сообщил мне, что император сказал ему, что европейская война неизбежна. Державы оси не считали Бухарестский договор решением балканского вопроса. Эту проблему можно было решить лишь одним способом, как сказал император Паллавичини, – затеяв обычную войну. Я напомним, что 2-я Балканская война закончилась Бухарестским договором. Согласно ему европейская территория Турции, за исключением Константинополя и небольшой примыкающей к нему территории, была поделена между Балканскими странами, главным образом между Сербией и Грецией. Это соглашение очень сильно усилило Сербию, причем настолько сильно, что Австрия опасалась, не положено ли начало новому европейскому государству – государству, которое могло, обретя достаточную силу, успешно сопротивляться ее, Австрии, планам расширения территории. Под ярмом Австрии в Боснии и Герцеговине находилась значительная часть населения Сербии. Проживавшие там сербы больше всего желали быть присоединенными к собственной стране. Более того, пангерманские планы на Востоке также требовали полного уничтожения Сербии, государства, которое, будучи целым и невредимым, блокировало немецкий путь на Восток. Австрия и Германия надеялись, что Балканская война уничтожит Сербию как государство, что Турция разобьет силы короля Петера. Именно этого требовали немецкие планы, и именно поэтому Австрия и Германия ничего не сделали, чтобы предотвратить Балканскую войну. Но результат был полностью противоположным, потому что Сербия вышла из конфликта гораздо более сильной, чем когда-либо прежде. Теперь она крепко, как волнорез, стояла на пути немцев.

Большинство историков соглашаются, что Бухарестский договор сделал войну неизбежной. Слова маркиза Паллавичини свидетельствуют о том, что так же считал и Франц-Иосиф.

Аудиенция, во время которой император высказал это свое мнение, произошла в мае, больше чем за месяц до убийства эрцгерцога. Так что у нас есть свидетельство австрийского посла о том, что война началась бы в любом случае, независимо от убийства в Сараеве. Вполне

очевидно, что это преступление послужило лишь удобным предлогом для начала войны, которую державы оси уже давно решили провести.

Глава 7

Немецкие планы завоевания новых территорий, угольных бассейнов и получения контрибуций

В течение полных событиями августа и сентября поведение Вангенхайма оставалось более чем безответственным – то вежливо-хвастливым, то подавленным, но всегда нервным и настороженным, когда он пытался снискать расположение американцев, и злобным по отношению к представителям враждебных держав. Сидя на скамье, он всегда проявлял тревогу и нетерпение, как будто стремясь скорее узнать о характере радиосообщений, которые посылали ему из Берлина через «Корковадо». Он никогда не упускал возможности рассказать новости об очередных победах. Пару раз он приходил ко мне в гости, предварительно не согласовав визит, чтобы сообщить о последних событиях и прочитать мне выдержки из только что полученных им сообщений. Вангенхайм всегда был искренен, прям, а порой неосторожен. Я помню его шок в тот день, когда Англия объявила войну. Вангенхайм всегда открыто заявлял о том, что восхищается Англией и, в особенности, Америкой. «Есть лишь три великих страны, – снова и снова повторял он, – это Германия, Англия и Соединенные Штаты. Объединившись, мы сможем править миром». Его восторг перед Британской империей несколько угас, когда эта держава решила выполнить свои обязательства по договору и объявила войну. Вангенхайм тогда сказал, что конфликт будет недолгим и день победы у Седана⁶ будет отмечаться в Париже. Но 5 августа я нанес очередной визит к нему в посольство и обнаружил его гораздо более серьезным и взволнованным, чем обычно. Баронесса Вангенхайм, высокая, красивая женщина, сидела в комнате и читала мемуары своей матери о войне 1870 года. Оба посчитали эти английские новости чуть ли не личным оскорблением. Больше же всего меня впечатлило то, что Вангенхайм никак не мог понять мотивов Англии. «Это очень плохая политика с ее стороны!» – повторял он снова и снова. Его отношение было точно таким же, как и поведение Бетман-Гольвега в отношении «клочка бумаги»⁷.

26 августа я решил прогуляться. По пути я встретил немецкого посла. Он, как обычно, начал говорить о немецких победах во Франции, повторяя, что уже вошло у него в привычку, что немецкие армии будут в Париже в течение недели. Он добавил, что решающим фактором будет оружие, произведенное на заводах Круппа. «И помните, что в этот раз, – сказал он, – мы собираемся воевать. И мы будем делать это rucksichtslos⁸. Мы не будем медлить, как в 1870 году. Тогда королева Виктория, царь и Франц-Иосиф вмешались и уговорили нас пощадить Париж. В этот раз никто не помешает. Мы перевезем в Берлин все парижские произведения искусства, которые принадлежат государству, как тогда Наполеон забрал итальянские произведения искусства и перевез их во Францию».

Вполне очевидно, что сражение на Марне спасло Париж от повторения судьбы Лёвена.

Вангенхайм был так уверен в немедленной победе, что уже начал обсуждать условия мира. Он сказал, что Германия, разгромив ее армии, потребует у Франции полной демобили-

---

⁶ В 1870 г. в битве у крепости Седан французская армия потерпела сокрушительное поражение перед прусско-германскими войсками. На следующий день остатки французской армии во главе с императором Наполеоном III сдались в плен.

⁷ Фразу «клочок бумаги» произнес германский рейхсканцлер Бетман-Гольвег (1856–1921) 4 августа 1914 г. в беседе с английским послом в Германии Эдвардом Гошеном. Посол предъявил Германии ультиматум, угрожая, что Великобритания объявит Германии войну, если ее войска не покинут территорию Бельгии, куда вермахт вторгся 3 августа 1914 г., поправ нейтралитет этой страны. Рейхсканцлер отклонил ультиматум, а когда посол Англии напомнил ему о международном договоре, согласно которому Пруссия наряду с другими державами обязывалась гарантировать нейтралитет Бельгии, Бетман-Гольвег воскликнул: «Итак, из-за клочка бумаги вы намереваетесь воевать с родственной вам нацией?!»

⁸ Беспощадно, решительно (нем.).

зации и уплаты контрибуций. «Сейчас Франция, – сказал Вангенхайм, – может заплатить 5 миллиардов долларов, но если она продолжит упорствовать в своем стремлении воевать, то ей придется заплатить 20 миллиардов долларов».

Он сообщил мне, что Германия будет требовать порты и угольные станции «везде». Тогда, судя по словам Вангенхайма, Германия больше жаждала не новых территорий, но коммерческой выгоды. Она безумно хотела стать большой торговой державой, а для этого у нее должны быть свободные порты, Багдадская железная дорога и исключительные права в Южной Америке и Африке. Вангенхайм сказал, что Германия не желает других территорий, в которых население не говорит по-немецки, поскольку у них уже были все возможные проблемы такого рода в Эльзас-Лотарингии, Польше и других немецких странах. Ввиду последних событий в России это утверждение звучало более чем интересно. Он не упомянул Англию, когда говорил о желании Германии получить угольные станции и порты, но он явно должен был иметь в виду именно ее, поскольку какая еще нация могла дать все это Германии «везде»?

Все эти разговоры объясняли мне происшедшее точно так же, как и откровения Вангенхайма относительно конференции 5 июля. Этот эпизод очевидно доказывает, что Германия сознательно начала войну, в то время как столь грандиозные планы, обрисованные в общих чертах этим способным, но все же несколько болтливым послом, разъяснили причины, которые толкнули немцев к этому предприятию. Вангенхайм нарисовал мне полную картину великой империи, начинающей великую авантюрную экспедицию, в которой добычей стали бы увеличившиеся богатства ее соседей и положение в мире, которое их мастерство и промышленность создали за века.

Если Англия попытается заморить Германию голодом, сказал Вангенхайм, то немецкий ответ будет очень простым: она начнет морить голодом Францию. Нужно помнить: в тот момент в Германии верили, что Париж будет захвачен меньше чем за неделю и это даст Германии полный контроль над всей страной. По мнению Вангенхайма, план Германии заключался в том, чтобы держать французскую нацию в качестве залога хорошего английского поведения, что-то вроде заложника, только в гигантском масштабе. В таком случае, если Англия получит большое преимущество, Германия постарается контратаковать, мучая французский народ. Тогда немецкие солдаты убивали невинных бельгийцев в отместку за приписываемое другим жителям Бельгии дурное поведение. Очевидно, что Германия собиралась применять подобные приемы как ко всем нациям, так и к отдельным лицам.

Во время этих и других бесед Вангенхайм демонстрировал ярую враждебность по отношению к России. «Мы наступаем на российскую мозоль, – сказал он, – и намерены там оставаться».

Под этой фразой он, должно быть, имел в виду, что Германия сумела провести «Гебен» и «Бреслау» через Дарданеллы и этим мастерским ударом захватить власть над Константинополем. Старая византийская столица, по словам Вангенхайма, была как раз тем призом, который могла потребовать победившая Россия. Нехватка портов с круглогодичной навигацией в теплых водах была слабым местом России – ее «мозолью». Тогда Вангенхайм хвастал, что у Германии было 174 артиллериста в Дарданеллах, что пролив можно было закрыть меньше чем за тридцать минут и что Сушон, немецкий адмирал, проинформировал его, что пролив неуязвим.

– Однако мы не станем закрывать Дарданеллы, – сказал он, – если Англия не нападет.

В то время Англия, несмотря на то что объявила Германии войну, не играла заметной роли в военных действиях. Ее «презренная маленькая армия» героически отступала из Монса. Вангенхайм совершенно не считал Англию врагом. Он сказал, что Германия намеревалась разместить свои орудия в Кале и обстрелять через Английский канал английские прибрежные города. То, что Германия может не захватить Кале в течение десяти дней, даже в голову ему не приходило. Во время этого и других разговоров, проходивших примерно в одно время, Вангенхайм высмеивал мысль, что Англия может создать большую независимую армию. «Эта идея

абсурдна, – говорил он. – Нужны поколения, чтобы создать нечто похожее на немецкую армию. Мы строили ее в течение двух столетий. Нужно тридцать лет постоянных тренировок, чтобы появились такие генералы, как наши. Наша армия всегда будет сохранять свою организацию. Каждый год наши войска пополняются 500 тысячами новобранцев. Мы не можем каждый год терять такое количество людей, так что наша армия всегда будет оставаться целой и невредимой».

Несколько недель спустя немецкая бомбардировка английских прибрежных городов, таких как Скарборо и Хартлпул, потрясла общественность. Германия сделала это не под влиянием внезапного порыва, нет, это была часть тщательно продуманного плана. 6 сентября 1914 года Вангенхайм сообщил мне, что Германия намеревалась атаковать все английские порты, чтобы остановить снабжение продовольствием. Также очевидно, что немецкая безжалостность по отношению к американской морской торговле не являлась внезапным решением фон Тирпица, поскольку в то же самое время немецкий посол в Константинополе предупредил меня, что отправлять в Англию корабли для США очень опасно!

Глава 8

Классический пример немецкой пропаганды

В те августовские и сентябрьские дни Германия не собиралась немедленно ввергать Турцию в войну. Будучи чрезвычайно заинтересованным в благополучии турецкого народа и сохранении мира, я телеграфировал в Вашингтон, спрашивая разрешения использовать свое влияние, чтобы сохранить нейтралитет Турции. Ответ был следующим: я могу это сделать при условии, что буду действовать неофициально и только по причине человеколюбия. Поскольку послы Англии и Франции прилагали все свои силы, чтобы удержать Турцию от участия в войне, я знал, что мое вмешательство не вызовет недовольства британского правительства. Однако Германия могла счесть вмешательство с моей стороны проявлением враждебности. Поэтому я спросил Вангенхайма, могут ли возникнуть какие-либо возражения против этого у Германии.

Его ответ удивил меня, хотя под конец я понял, что он имел в виду.

– Нет, совсем нет, – ответил он. – Больше всего Германия хочет, чтобы Турция сохраняла нейтралитет.

Без сомнения, политика Турции в тот момент полностью соответствовала немецким планам. Вангенхайм постоянно усиливал свое влияние на турецкий кабинет, и Турция следовала тем курсом, который больше всего соответствовал немецким целям. Политика Германии заключалась в том, чтобы держать Антанту в состоянии неуверенности – члены Антанты никогда не знали, как поведет себя Турция: будет ли она сохранять нейтралитет или вступит в войну на стороне Германии. Из-за того, что позиция Турции была неясна, Россия была вынуждена держать большие силы на Кавказе, Англия – усиливать свое присутствие в Египте и Индии и держать значительную часть флота при входе в Дарданеллы. Все это прекрасно соответствовало немецким планам, поскольку отсутствие этих сил значительно ослабляло Англию и Россию на Европейском фронте. Сейчас я говорю о периоде времени до битвы на Марне, когда Германия полагала, что сумеет победить Францию и Россию при помощи своего союзника – Австрии, и, таким образом, добиться победы, которая позволит им управлять будущим Европы. Если бы Турция в это время действительно принимала участие в военных операциях, то она не смогла бы сделать большего для достижения этой победы, чем удерживая значительные российские и английские силы вдалеке от театров военных действий. Но если бы Германия достигла этой легкой победы с помощью Турции, то вскоре смогла бы обнаружить, что ее новый друг является для нее преградой. Турция определенно потребовала бы компенсации и не была бы скромной в своих запросах. Вполне вероятно, что требования ее были бы следующими: полный контроль над Египтом и, возможно, возвращение балканских территорий. Подобные события сильно бы помешали планам кайзера. Таким образом, он не был заинтересован в том, чтобы Турция была его действительным соратником, за исключением того случая, если ему не удастся добиться ожидаемого триумфа. Но если Россия добьется большого успеха в борьбе с Австрией, тогда активный союз с Турцией будет иметь большую ценность, в особенности если для ее вступления будет выбрано такое время, которое позволило бы сделать своими союзниками также Болгарию и Румынию. Пока же Вангенхайм ждал, превращая Турцию в потенциального союзника, усиливая ее армию и готовясь использовать ее в любой момент, когда ее участие принесет максимальное преимущество. Если Германия не сможет выиграть войну без помощи Турции, Германия была готова принять ее как своего друга. Если же она сможет победить без Турции, тогда ей не придется платить туркам за их помощь. Пока же самым разумным было держать Турцию в боевой готовности на случай, если турецкие силы будут необходимы для немецкого успеха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.